

Алексей Тепляков

Эпоха репрессий: субъекты и объекты

Роль и значение органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ в советской и мировой истории столь очевидна, что научный и общественный интерес к их деятельности не только сохраняется в полной мере, но и усиливается, о чём свидетельствует нарастающий поток монографий, статей, документальных публикаций. При всей непоследовательности архивной революции 1990-х гг. историография «органов» и террора последнего десятилетия опирается как на внушительную источниковую базу, так и на историографическую традицию. Отечественные и зарубежные историки в последние два десятилетия на принципиально новом источниковом уровне активно изучают прежде всего репрессивные аспекты функционирования советской политической полиции, активно участвовавшей в создании нового общества и нового человека. Правда, в последние годы видно не только значительное повышение качества многих исследований, но и определённые проблемы, связанные прежде всего с малодоступностью основных источников, которые явно останутся актуальными и в обозримом будущем.

Общество получает противоречивые сигналы от власти, которая не может чётко определиться с последовательной оценкой большевистского террора и собственно советского наследия. С одной стороны, в последние годы важными для историков и общественности в целом были заявления В.В. Путина и Д.А. Медведева с категорическим осуждением репрессий, визиты первых лиц к местам массовых захоронений, широкое обнародование известных историкам документов о Катынском расстреле, юридическая реабилитация семьи Романовых. С другой стороны, власть считает себя преемницей и всего положительного, что было создано в советскую эпоху, в связи с чем уверена, что необходимо сбалансировано подходить к ленинско-сталинской эпохе и не рассматривать её наследие как прежде всего нечто глубоко антинародное. Как пронизательно заметил А.Б. Рогинский, нынешняя концепция «великой России» проистекает из двух дефицитов: исторической идентичности у населения и исторической легитимности у элиты [1].

Российское общество всё ещё очень далеко от консенсуса по узловым предметам своей новейшей истории и продолжает эмоциональные дискуссии о целях, средствах, достижениях и провалах советской политики, не без успеха навязывается социуму политизированный тезис о преимущественно героическом содержании как досоветской, так и советской истории. Прозвучавшие два десятилетия назад заявления российского правительства о том, что Россия является правопреемницей СССР, на деле означало и принятие на российскую сторону ответственности за перипетии отечественной

истории советского периода, в т. ч. связанные с ущемлением прав граждан других государств. Отсюда неприятие понятия «оккупация» применительно к «мирному присоединению» Прибалтики, страх признать политической репрессией расстрел польских военнослужащих в 1940 г. и пр. Зафиксированная в первые постсоветские годы преемственность российской власти с имперским и советским периодами диктует отношение к прошлому как полному свершений и побед, а также борьбы как с внешними, так и внутренними врагами.

На формирование позитивных образов и оценок советской эпохи существует очевидный общественно-политический заказ, что стимулирует — в отсутствие доступа ко многим основополагающим архивным документам — появление ангажированных и просто непрофессиональных сочинений, далёких от науки. В современной исторической публицистике фактически доминируют теории антисоветских «заговоров» генералов, чекистов, троцкистов, сионистов и прочие «достижения» конспирологического подхода к прошлому, склоняющиеся к оправданию репрессий и возвеличиванию Сталина. Поток такого рода литературы в последнее десятилетие стремительно множится. Серьёзные труды на этом фоне замечаются только специалистами и не находят интереса у широкой общественности.

Публикаторский бум: перлы и плевелы

Тем не менее, нельзя говорить о застое в изучении репрессивных органов: с каждым годом растёт число исследований, опирающихся на всё более широкие источники, что постепенно приближает нас к пониманию феномена деятельности советской политической полиции. И здесь исключительную роль играет масштабное введение в оборот чекистских документов, начавшееся с первых лет архивной революции. В 1990-е годы увидели свет множество документов из архивов силовых структур, открывавшие и многие аспекты безбрежной темы политических репрессий, и дававшие возможность приступить к изучению структуры и персоналий органов госбезопасности [2]. В 2000-е годы источники по репрессивной политике и роли в ней карательных органов испытывают революционное пополнение как за счёт целого ряда «крупноформатных» серий, так и большого числа отдельных сборников [3]. Особую роль сыграл шеститомник «Трагедия советской деревни», представивший огромное количество рассекреченных документов из фондов ФСБ, а также близкий к завершению четырёхтомный (в пяти книгах) проект «Советская деревня глазами ВЧК-НКВД». До начала 30-х годов доведена публикация информационных сводок ВЧК-ОГПУ в многотомном проекте «Совершенно секретно». Лубянка Сталину о положении в стране" [4].

Если издания 1990-х годов далеко не всегда отличались качественным справочным аппаратом, то центральные, и региональные сборники последнего десятилетия гораздо чаще соответствуют требованиям исторического сообщества [5]. Продолжают выходить Книги памяти в странах СНГ (их число составляет уже свыше 300 томов),

оснащённые зачастую солидными документальными подборками [6]. В Чите и Новосибирске вышли отдельные тома книг Памяти, посвящённые жертвам «раскулачивания» [7]. Среди вводимых в оборот источников — не только материалы следственных дел и различные спецсообщения ВЧК-НКВД-КГБ, но также делопроизводство, материалы агентурных разработок, сведения о чекистских кадрах. Колоссальные залежи массовых источников (архивно-следственные дела реабилитированных и не реабилитированных лиц, тюремные дела, учётные документы заключённых лагерей и ссыльных, а также перемещённых лиц, фильтрационные дела, розыскные картотеки и т. д.) представляют крайне важный интерес для исследователей.

Интенсивно документализируется история партий, общественных и религиозных организаций (в том числе эмигрантских) с учётом их преследования, разложения и уничтожения спецорганами. Продолжается изучение террора против военных, учёных [8]. Широко публикуются материалы политических процессов против эсеров, меньшевиков, шахтинцев [9]. Важным шагом в изучении репрессий в отношении самих чекистов стала публикация В.Н. Хаустовым сборника неизвестных документов по делу Берии и его приближённых. Немало добавляет данных по этому громкому делу и одновременно появившийся сборник документов под редакцией О.Б. Мозохина, отличающийся неграмотным заголовком (упоминается Политбюро вместо Президиума ЦК КПСС) и отсутствием комментариев [10].

Принципиальным шагом в изучении массовых репрессий стало изучение карательного механизма в рамках многотомного российско-украинско-германского проекта «Сталинизм в советской провинции. 1937–1938 гг.». Исследования и многочисленные документы, опубликованные в серии сборников (2008–2010 гг.), описывают проведение «кулацкой операции» 1937–1938 гг. в Центре, Алтайском крае, Пермской области и в Украинской ССР. Расширив географию изучения террора, участники данного проекта выявили сходство методов его проведения и основных целевых групп, подвергшихся репрессиям: «кулаков», «бывших», старой интеллигенции, лиц, связанных с политическими партиями и заграницей, маргиналов. При этом значительное внимание уделено деятельности аппарата политической полиции и судьбам его активистов и исполнителей. Благодаря массовому рассекречиванию документов Службой безопасности Украины участники проекта получили в своё распоряжение и обнародовали ценнейшие материалы делопроизводства 1936–1939 гг. из фондов такой крупной репрессивной структуры, как НКВД УССР [11]. Стал ещё более очевидным исследовательский потенциал архивно-следственных дел, изученных весьма поверхностно, и неизвестных даже на многих исторических личностей. В частности, до сих пор мало затронут такой исключительно ценный источник, как следственные дела на чекистов и милиционеров, особенно не реабилитированных.

К сожалению, эти дела малодоступны, однако работы, в которых они использованы, выгодно отличаются полнотой и доказательностью [12].

Крайне важно пополнение источниковой базы советского периода документами, рассекречиваемыми в республиках бывшего СССР. Это в известной мере компенсирует медленное введение в доступ документов спецслужб в России. В вышедших, к примеру, на Украине сборниках раскрывается содержание разных сюжетов: голодомор, репрессивная статистика, преследование национально ориентированных украинцев и других этнических групп, чекистские спецсообщения, агентурные дела на видных деятелях культуры. В книге «Голодомор 1932–1933 годов на Украине по документам ОГА СБУ. Аннотированный сборник» раскрыто содержание всех рассекреченных документов Отраслевого государственного архива СБУ, освещающих причины и последствия голода на Украине. Приведён именной указатель всех фигурирующих в документах и уголовных делах лиц, в том числе и сотрудников ГПУ УССР. [13].

В сборнике «Украина во времена „большого террора“: 1936–1938 годы» на основе архивных документов авторы-составители раскрывают мотивы, основные направления и технологию репрессивных акций, осуществляемых во времена «ежовщины». Основные статьи первой части книги: «"Большой террор" на Украине: этапы, особенности, последствия» Ю.И. Шаповала; «Чистки чекистских кадров на Украине в период „ежовщины“» С.Н. Богунова; «Начальствующий состав НКВД УССР накануне „ежовщины“: социально-статистический анализ» В.А. Золотарёва. Во второй части приведён список руководящего состава как центрального аппарата (до помощников начальников отделов включительно), так и областных УНКВД (включая руководителей отделов УГБ и начальников городских отделений НКВД)[14].

Подобные подробные росписи чекистской номенклатуры у российских авторов, увы, отсутствуют. В книге «Руководители украинской внешней разведки» впервые собрана и систематизирована информация о руководителях внешней разведки с 1917 г. по сегодняшний день. Приводятся биографические справки на руководителей разведки Украинской Народной Республики в 1917—1921 гг., начальников внешней разведки ГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ УССР и независимой Украины [15]. Особенно важное значение имеет монографическое исследование специфических чекистских источников, не имеющее аналогов и дающее, помимо источниковедческого анализа, ценный сам по себе архивный материал [16]. В ряде авторитарных стран СНГ проблемы советского террора изучаются довольно поверхностно, но поток исследований и документальных публикаций в последнее десятилетие и там заметно растёт [17].

Очевидна значительная роль многочисленных справочных пособий, без которых нет научного изучения структуры и кадров карательных структур. После выхода справочников о руководящих кадрах ОГПУ-НКВД 30-х годов и лагерной системе [18] историки в последнее десятилетие

получили ряд добротных работ о чекистских персоналиях как 1920-х, так и 1940 — 1950-х гг., в т. ч. работавших в Восточной Германии. Новейший справочник К.В. Скоркина [19] даёт сведения не только о руководящих работниках чекистских, но и милицейских органов, а также начальствующего состава отделов управления — местных органов НКВД РСФСР в первые годы советского режима. На фоне нередко слабых региональных энциклопедий выделяется основательностью «Историческая энциклопедия Сибири», где много не только справочного материала на репрессированных и карателей, но и специальных обширных статей по истории и историографии террора, карательной системы [20].

Существенно расширяет исследовательские возможности Интернет. В его сетях выкладываются ценные документы, в том числе те, которые нигде до того не публиковались. Среди наиболее информативных интернет-журналов следует отметить блоги Д.В. Соколова (d_v_sokolov), Allin777, Therese-phil.livejournal.com, Corporatelle, И.А. Курляндского (igorkurl.livejournal.com), А.А. Немировского (Wirade), Elena-sem.livejournal.com и др., активно публикующих исследования и документы, противостоящие потоку сталинистской литературы, вроде появившихся в последнее время фальшивых дневников Берии и исполнителей смертных приговоров (лишнее подтверждение большой популярности подобных тем у читателя). Имеют значение для историков характеристики и описания документов и наград исторических персонажей, появляющиеся на различных сайтах коллекционеров.

Заметным событием стало появление в открытом интернет-доступе очень важного архива крупного чекиста 1920–1930-х гг. С.А. Болотова. Особенный интерес в нём вызывает подробное письмо Болотова полпреду ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е.Г. Евдокимову о Михаиле Шолохове (1927 г.), где, в частности, недвусмысленно говорится, что Шолохов работал в одном из отделений Экономического управления ОГПУ: «В 1923 году работал в 4 отделении ЭКУ ОГПУ» [21] Таким образом, мнение литературоведа З. Бар-Селлы о прямом сотрудничестве юного Шолохова с «органами» [22] получает весомое подтверждение. Значительный объём информации о спецслужбах содержится в регулярно печатаемом журналом «Власть» очерках Е. Жирнова, основанных на документах, мемуарах и исследованиях.

Говоря об источниках по наиболее острым темам советской эпохи, следует также иметь в виду, что в последнее десятилетие в оборот было вброшено несколько сенсационных «документов» якобы из архивов ЦК и госбезопасности. Это так называемые письма Ленина, соглашение о совместной работе НКВД и гестапо, инструкция по кадровой работе НКВД и т. п., которые были очень кустарно сфабрикованы «патриотической» печатью. Пресловутые «Генеральное соглашение между НКВД и гестапо» и инструкция «Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД» появились в сборнике статей «Расовый смысл русской идеи» (М., 2000. Вып. 1. 496

с.). Однако распространённость их вышла за пределы маргинальных националистических кругов. Вскоре эти документы были разрекламированы автором генштабовской «Военной мысли» Ю. Бобыловым, пустившегося на страницах известной газеты «Независимое военное обозрение» (2001, №46, с. 7) в рассуждения о том, что «исторически возможны и оправданы расовые войны» и что «расовая теория вносит существенные поправки в идеологию российской государственности, особенно в свете существенных расовых отличий русских как преимущественно нордического народа арийского происхождения от украинцев, имеющих ярко выраженную восточную тюркскую окраску».

За Бобылёвым поспешил автор популярной книги о Сталине «Генералиссимус» (2003 г.) В.В. Карпов[23], процитировавший не только эти документы, но и сочинённую им самим справку Берии для Сталина о количестве репрессированных в 1919—1940 гг., среди которых якобы преобладали евреи. Приходится констатировать, что фальшивки широко «пошли в народ», проникая и в научную среду.

Один из остепенённых авторов совсем недавно, с полным доверием к постулатам относительно недопустимости принятия в НКВД лиц с примесью еврейской крови, а также рыжих, косых, рябых, длиннозубых и хромых, заявил, что ныне «при принятии кандидата на государственную гражданскую службу необходимо... по возможности применять некоторые положения инструкции № 00134/13 от 21 декабря 1938 г. «Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД», поскольку данная «инструкция позволяет избежать поступление на государственную службу психически неустойчивых и сомнительных кандидатур...» [24] Полгода спустя журнал, опубликовавший эту статью, пополнил почтенный ВАКовский список. Украинские медики, напротив, отметили «псевдонаучные и дискриминационные» подходы инструкции, не сомневаясь при этом в её существовании и практическом применении [25].

Публицистом-«патриотом» Г. Назаровым были сфабрикованы косноязычные письма Ленина о его «заключении» во время болезни, с приказами о расстреле миллиона пленных казаков, о массовых расстрелах духовенства, которые благодаря неразборчивости иных доверчивых исследователей получили распространение не только в Интернете [26]. С целью реабилитации Сталина были сфабрикованы документы и о якобы изменении антицерковной политики после 1939 г. И уже целый ряд докторов наук на основе этих фальшивок основывают свои важнейшие историософские выводы о природе церковно-государственных отношений в 1930-е гг. (А.И. Вдовин, С.И. Васильцов, Ю.А. Катунин, В.А. Алексеев, Н.А. Нарочницкая). Абсолютная несостоятельность данных «документов» убедительно доказана авторитетными исследователями [27].

На Кавказе появился фальшивый документ о сожжении при выселении заживо до 700 чеченцев в ауле Хайбах в Галанчжойском

районе Чечни, восходящий к действительной трагедии много меньшего масштаба. Публиковавшееся без ссылки на источник письмо М.М. Гвишиани Бери: «Только для ваших глаз! Ввиду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции «Горы» вынужден был ликвидировать более 700 жителей в местечке Хайбах. Полковник Гвишиани» [28] является абсолютно несерьёзным, однако авторитетные исследователи до последнего времени упоминали его как более [29] или менее [30] заслуживающее доверия. В новейшем капитальном документальном сборнике «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). — М., 2011», составленном Ф. Бенвенути, В.А. Козловым, П.М. Поляном, В.И. Шереметом, оно уже не фигурирует.

Напоследок отметим фальсификацию в известной работе Ю.Н. Жукова «Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933—1937 гг. М., 2003», где автор, профессиональный историк, придумал записку секретаря Запсибкрайкома ВКП (б) Р.И. Эйхе Сталину, в которой сибирский партийный начальник летом 1937 г. якобы потребовал организовать в крае внесудебную тройку для массового расстрела «контрреволюционных элементов». Несмотря на давнее разоблачение аферы Жукова [31], указавшего ложный архивный шифр для своей «сенсационной» находки, профессор уверенно продолжает опираться на несуществующий документ и утверждать, что репрессии возникли как ответ сильной партийной номенклатуры на инициативу слабого Сталина ввести в 1937 г. свободные выборы и таким образом лишить её власти.

Новые аспекты изучения советских репрессий

Анализ огромнейшей литературы по террору и силовым структурам в последние годы стал крайне необходим [32], хотя порой и встречаются беспомощные, скорее, библиографические работы [33]. С.А. Кропачёв справедливо отмечает, что период 2000-х гг. стал временем глубоких публикаций отечественных историков о государственном терроре 1930-х гг., прояснивших очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных. Определены масштабы «большого террора», названа поимённо значительная часть его жертв. Однако работа по изучению всех проявлений политических репрессий далека от завершения [34], особенно по периодам 20-х и 40–50-х годов. Это обстоятельство препятствует увековечению памяти жертв режима.

Современные исследователи в целом едины относительно порядка цифр репрессированных [35], пересмотрены популярные когда-то данные О. Шатуновской о виденной ею статистике КГБ, где упоминалось о якобы 7 млн расстрелянных и 19 млн отправленных в ГУЛАГ перед войной. Правда, в монографии И.В. Павловой о сталинском социализме, отличающейся проработанными идеями о конспиративной сути большевистской власти и политике Сталина, основанной на идее подготовки к мировой войне с империализмом (у этой теории всё больше

сторонников), «всплывают» 500 тыс. номенклатурных работников, якобы уничтоженных в 1937—1938 гг. Очевидна и ошибка известного историка террора С.А. Папкова, который, некритически подойдя к информации, зафиксированной в допросах одного из чекистов, недавно предположил, что в Красноярском крае тройка НКВД действовала и в 1939 г., осуществляя массовые расстрелы [36], что не подтверждается никакими источниками.

По мнению председателя правления Международного общества «Мемориал» А.Б. Рогинского, с 1921 г. в СССР на преследуемых по политическим мотивам было заведено 5 млн уголовных дел. Если учесть, что примерно 10% из них были осуждены несколько раз, число жертв политического террора составит 4,5 млн чел. К ним следует прибавить примерно 7 млн депортированных. Таким образом, количество пострадавших от массовых политических репрессий в СССР составляло около 11,5–12,5 млн чел. (без учёта значительной части жертв Гражданской войны). Также в это число не входят «раскулаченные» и жертвы голодоморов 1921—1922, 1932–1933, 1946–1947 гг. [37] От этого нельзя абстрагироваться, поскольку голодная смертность была вызвана в первую очередь политическими решениями и хозяйственными просчётами: голодов начала 1920-х гг. унёс не менее 5 млн жизней, 1932–1933 гг. — до 6–7 млн жертв, в 1946—1947 гг. — до 1,5 млн [38].

Историки террора интенсивно изучают различные его аспекты, «доходят» до целевых групп репрессий, как социальных, так и национальных [39]. Правда, даже сейчас иные исследователи не всегда в состоянии объективно оценить суть репрессивной политики 30-х годов и предлагают давно устаревшие суждения, склоняющиеся к выпячиванию сталинско-ежовской атаки против номенклатуры. Так, новейшее монографическое исследование А.А. Макарова о репрессиях 1934–1938 гг. сосредоточено отнюдь не на главной террористической акции «Большого террора» — так называемой «кулацкой операции» — и ошибочно относит Красноярский край к регионам со средней интенсивностью репрессий, где планы Москвы предусматривали репрессировать в 1937 г. «только» 0,2% населения [40]. Между тем последние исследования по «Большому террору», где анализируются не только первоначальные планы, но и итоги террора, говорят о том, что только в рамках «кулацкой операции» репрессиям подверглось 0,93% жителей Красноярского края, что вдвое больше, чем в среднем по стране [41].

Участники проекта «Трагедия советской деревни» уточнили количество жертв «Большого террора»: к расстрелу в 1937—1938 гг. было приговорено заметно большее число арестованных — не 682 тыс., как ранее считалось, а примерно 725–740 тыс. [42] Часть особенно жестоких эксцессов карательной политики стала предметом отдельных исследований, например, история массовой гибели ссыльных в 1933 г. в Нарымском крае, на о. Назино [43]. Эти издания дают впечатляющую

картину того, как в число «вычищаемых» в ходе паспортизации были включены, наряду с меньшей частью криминального элемента, также противники насильственной коллективизации, бродяги, цыгане, оказавшиеся затем в сибирских болотах, без еды и жилья, обречённые на террор со стороны высланных вместе с ними уголовников-рецидивистов и мучительную смерть. Новаторский характер носит недавняя коллективная монография о многочисленных маргинальных париях режима, в том числе ссыльных [44].

Значительно продвинулось в последние годы изучение репрессий в отношении национальных меньшинств. Наряду с репрессиями в отношении немцев [45] (являющейся, пожалуй, наиболее развитой в научном отношении темой), изучаются прочие «наказанные народы», трагические судьбы которых ранее не были представлены крупноформатными работами [46]. Заслугой П.М. Поляна является определение ключевых понятий и установление чёткой хронологии депортаций и их масштабов. По данным историка, с 1919 по 1952 г. было депортировано около 15 млн человек, из них 6 млн пришлось на внутренние и 9 млн — на международные депортации (из них 5,8 млн на депортации в СССР и 3,2 млн — депортацию советских граждан за пределы СССР). Ежегодно в среднем «инонационалы» (заодно с «раскулаченными» и «вычищенными из городов») подвергались нескольким репрессивным акциям [47]. Некоторые оценки данного вида репрессий носят политизированный характер: так, американский исследователь Н. Неймарк широко пользуется вполне корректным понятием «этнические чистки», отделяя их от «геноцида». Однако депортации чеченцев, ингушей и крымских татар в СССР он странным образом рассматривает в одном ряду с холокостом и истреблением армян и греков в Турции. Здесь же следует оспорить тезис Неймарка о принципиальном различии подхода Ленина и Сталина к террору: Ленин «убивал людей с очень конкретной целью, а не как членов сконструированных политических и социальных групп... Сталин был другим. Он убивал людей без какой-либо весомой на то причины□ И уничтожал людей группами». Но при Ленине были не только массовые боины, вроде «расказачивания» или «зачистки» Крыма, но и постоянные фабрикация чекистами массовых дел на «заговорщиков» — именно как «членов сконструированных политических и социальных групп», а массовые убийства при Сталине совершались, как был уверен диктатор, напротив, по самым «весомым причинам», ибо террор мыслился в качестве универсального метода управления, и это абсолютно ленинский подход [48].

Серьёзно расширяет изучение государственной депортационной политики введение обширного регионального материала. Историк А.А. Шадт обоснованно рассматривает этнические депортации и ссылку «как часть глобального процесса советской национальной политики, получившей своё выражение в конструировании советской «этничности» через принудительную ассимиляцию, способствующую... созданию

«советского народа», обладающего всеми характеристиками «полноценного» этноса» [49]. Одной из малоизученных трагедий остаются предпринятые в начале 1940-х гг. насильственные мобилизации на военные предприятия и стройки Урала и других промышленных центров огромного числа жителей Средней Азии (только из Узбекской ССР в 1941—1943 гг. было изъято более 155 тыс. трудмобилизованных, включая заключённых) [50]. Неквалифицированные рабочие, плохо знавшие русский язык, оказались не нужными, были лишены самого элементарного для поддержания жизни. Они в массовом порядке бежали и полуживыми от истощения возвращались домой, либо погибали в местах расселения или в пути [51].

Значительное внимание исследователей привлекает начальный период советской государственности и первые шаги «управления террором». В силу отсталости Россия её население на 90% состояло из носителей социокультурной архаики. В связи с этим обстоятельством В.П. Булдаков исследовал феномен революции в парадигме «красной смуты», выдвигая концепцию буйства черни, затопляющей левым экстремизмом всё и вся [52]. Автор концентрируется на психопатологии российской смуты XX в., выделяя иррациональные причины варварски жестокого поведения людей, в связи с чем, по авторскому определению, «в данной работе на передний план выступают эмоции, иллюзии, поверья, страсти». Следует отметить огромный историографический раздел второго издания книги Булдакова, фактически монографический, очень интересный, несмотря на очевидную разность в отношении многих оппонентов.

Значительную роль в историографии красного террора занимают работы А.И. Литвина, А.М. Плеханова, И.С. Ратьковского, Ю. Дойкова [53] и других историков. К сожалению, в книге Литвина содержатся преувеличенные сведения о белом терроре, в связи с чем его концепция равенства красного и белого террора в Гражданской войне не выдерживает критики. Работа Ратьковского о красном терроре в 1918 г. показывает пределы использования преимущественно газетного материала, нуждаясь в сопоставлении с широким кругом архивных источников. Внушительная монография А.М. Плеханова о ВЧК-ОГПУ 1920-х гг. основана на документах ФСБ и вводит массу ценных фактов карательной работы «органов» в центре и на местах, но архаичные взгляды автора входят в прямое противоречие с приводимым материалом, изложенным к тому же с огромным количеством фактических ошибок и опечаток [54].

Роль ВЧК в системе государственного внеэкономического принуждения подробно, с привлечением ценных документов госбезопасности, рассматривает Л.В. Борисова [55]. Л.А. Боева раскрывает участие органов ВЧК-ОГПУ в процессе строительства диктаторского партийно-государственного режима, что привело к расширению чрезвычайных прав карательной машины [56].

Пока исследователи только примериваются к такой специфической черте насилия первых советских лет, как, например, масштабный краснопартизанский террор. В новейшей монографии К.В. Скоркина сведения о терроре ВЧК справедливо дополнены информацией о партизанских чистках ряда городов Крыма осенью 1920 г., унёсших не менее 3 тыс. жертв [57]. Важным подспорьем для исследователей стал подготовленный работниками Гоголевской библиотеки Новокузнецка аннотированный библиографический указатель литературы о разгроме уездного Кузнецка партизанами Г. Ф. Рогова в декабре 1919 г., хотя и далёкий от полноты, но насыщенный цитатами из труднодоступных публикаций [58]. Однако среди, например, дальневосточных исследователей, изучающих деятельность партизанского командира Я.И. Тряпицына, сжёгшего дотла весной 1920 г. Николаевск-на-Амуре и вырезавший со своим отрядом тысячи его жителей, поныне распространены апологетические оценки тряпицынщины [59], а наиболее серьёзная работа по данной теме носит противоречивый и к тому же краеведческий характер [60].

История ГУЛАГа остаётся одним из самых плодотворных исследовательских направлений. Изучается и ГУЛАГ в целом, и «концентрационный мир» отдельных лагерей [61], причём исследователями осознано, что вслед за не всегда глубоким анализом очень тенденциозных источников центрального аппарата ГУЛАГа (как в работах Г. М. Ивановой) должно прийти основательное знакомство с архивами конкретных лагерей. Особенно важной в последнее время стала публикация семитомника «История сталинского Гулага», который представляет внушительный массив первостепенных документов, преимущественно из фондов ГА РФ, и задаёт векторы изучения наиболее значимых элементов этого государства в государстве. Плодотворно идёт активное изучение лагерей для военнопленных Второй мировой войны. Исследователям ещё предстоит показать мир конкретных концлагерей, изучение становления которых серьёзно осложняется уничтожением многих документов 1930-х годов во время московской паники октября 1941 г. и малодоступностью, а также не всегда удовлетворительной сохранностью архивов МВД. На фоне крупных исследований лагерной системы долгое время было заметно отставание в изучении системы тюрем и особенно исправительно-трудовых колоний; между тем, пристальное внимание к системе ИТК оправдано уже тем, что смертность в них, например, и в начале 1930-х гг., и в годы войны была выше, чем в лагерях ГУЛАГа. Однако в последние годы вышли монографические работы по истории сибирской пенитенциарной системы, насыщенные архивным материалом [62]. На примере ГУЛАГа особенно чётко проявляются проблемы адаптации и выживания, потенциал следственных и учётных дел, необходимых при изучении племени зэка — специфического социума, рождённого неволей, его взаимодействия как с потоками репрессированных, так, по чекистскому жаргону, с «правовым населением», а также

проникновения ГУЛАГовского духа во все сферы общественной жизни. При этом важен потенциал устной истории и интервьюирование последних свидетелей советских карательных кампаний.

Одной из приоритетных тем является изучение репрессий в отношении крестьянства. Наиболее авторитетные на сегодняшний день специалисты в этом вопросе Л. Виола и С.А. Красильников выпустили фундаментальные работы о жизни крестьянской ссылки, основах жизнедеятельности в условиях несвободы и поведенческих механизмах, с помощью которых ссылки пытались адаптироваться к режиму спецкомендатур [63]. В монографии С.А. Красильникова «Серп и молот» показано, как осуществлялись массовые и локальные депортации, изучены формы крестьянского сопротивления, масштабы и структура эксплуатации труда депортированных сталинской системой, организация и функционирование системы спецпоселений. Л. Виола вслед за А. Грациози рассматривает коллективизацию как гражданскую войну между городом и деревней, в которой власть стремилась установить своё разрушительное господство над селом. Продвигают изучение данной темы и работы, выполненные на примере небольших регионов [64].

Активно идёт изучение советских политических судебных процессов, практика которых оказала глубокое воздействие на ход коммунистических репрессий, в том числе в странах-сателлитах. [65] Особое внимание привлекают знаковые дела: процесс эсеров 1922 г. [66], Шахтинское дело, обеспеченные в последние годы публикацией крупных массивов источников из фондов ФСБ. Исследователи вписывают конкретные громкие дела в политический контекст, выявляя их заказной характер и реконструируя цели и последствия конкретных судебных преследований. В этом отношении показательны книги С.С. Войтикова [67] о взаимоотношениях РККА со спецслужбами и причинах ареста в 1919 г. высшего командования РККА во главе с главкомом И.И. Вацетисом.

Актуальная проблема противостояния человека и власти в 20–30-е годы XX века изучается историком В.Ф. Зимой на примере многочисленных архивных источников, включая дело крупного сталинского сатрапа Р.И. Эйхе [68]. Историческую значимость крупных следственных дел на работников НКВД продемонстрировал С.Б. Кокуев [69]. Плодотворность изучения конкретного следственного дела в контексте эпохи доказал французский исследователь П. Шинский в монографии «Микроистория большого террора: фабрика виновности в сталинское время» [70]. Вышли интересные работы по истории советской внешней разведки, которая до середины 1950-х гг. активно применяла террористические методы [71].

Вопросы, связанные с функционированием силовых структур, активно прорабатывают представители юридических наук. В монографии В. Кудрявцева и А. Трусова рассмотрены вопросы создания репрессивного аппарата в советской России после 1917 г. Авторы

выдвинули концепцию «политической юстиции», под которой подразумеваются структурные элементы юридической системы, специально созданные и используемые для подавления политических противников путём применения не столько правовых, сколько противоправных средств (ВЧК-ОГПУ-НКВД, чрезвычайные «тройки» и аналогичные внесудебные органы, ревтрибуналы). Авторы уверены, что в условиях возникновения и консолидации тоталитарного режима демократическая судебная процедура оказывалась не только мало эффективной, но и вовсе непригодной, поэтому для карательной практики использовались «иные репрессивные формы»: ревтрибуналы, «спецколлегии», «тройки», «особые совещания» и т. п. [72]

Если о количестве жертв 1930-х гг. в научном сообществе имеется определённое согласие, то причины репрессий и вспышки их обострений продолжают вызывать дискуссии. В последние годы В.Э. Багдасарян выделил основные, по его представлению, модели историографического дискурса, среди которых — «самоистребление революционеров», «сталинский термидор», «патологическая личность» и др. Авторское заключение, что «несмотря на декларируемый историографический плюрализм, тематика «Большого террора» остаётся очерченной рамками идеологического табу», выглядит очень спорным [73]. После рассекречивания советских архивов уже немного остаётся сторонников идеи о том, что 1937 г. был сосредоточен на истреблении элиты. Также меньшинство историков продолжает настаивать на том, что Большой террор был слепым и безадресным, воплощая конфликты либо между слабой сталинской властью и сопротивлявшимися ей региональными элитами, либо имея основой попустительство властей желанию широких масс посчитаться со всеми, кто «мешал народу».

Основная часть исследователей уверена в том, что Большой террор являлся подготовленной и целенаправленной акцией. Немецкие историки М. Юнге и Р. Биннер видят во вспышке «Большого террора» совокупность причин. Не отрицая важности фактора военной угрозы и стремления правящей верхушки ликвидировать «пятую колонну» накануне решающей схватки с мировым империализмом, Юнге и Биннер подчёркивают, что сталинский режим в качестве неблагонадёжных рассматривал очень большое количество сограждан: это и военно-политическая элита, и многочисленные представители «бывших», и «враждебные национальности», и криминальные элементы. При этом террор выступал не только как средство решения внутривнутриполитических задач, но и в качестве орудия, расчищавшего путь к строительству коммунистического общества, физически избавленного от представителей враждебных классов и любых неблагонадёжных. Жестокое преследование маргинальных и криминальных групп населения также укладывается в концепцию глобальной социальной чистки [74].

Вместе с тем в научной среде нет согласия относительно причин, которые бы удовлетворительно объясняли происхождение террора

1937–1938 гг. Но всё же российские и зарубежные историки, с каждым годом выпуская всё больше основательных исследований, уже весьма удовлетворительно знают «как?», неторопливо приближаясь к взвешенной точке зрения, отвечающей на вопрос «зачем?»

Более глубокое понимание архаичности советского общества заставляет делать выводы, которые ранее были бы невозможны в силу идеологических причин. Пересмотр советологических клише, по мнению Е. Добренко, ведёт не только к более глубокому анализу сталинизма, но и к более трезвому и беспощадному взгляду на советское общество. Новый пересмотр традиционной советологии (представленный трудами Ш. Фицпатрик, К. Кларк, Т. Лахузена, Э. Наймана, И. Халфина, О. Хархордина, Й. Хеллбека, М. Штейнберга и др.) куда дальше и от либерального упрощения прежней советологии (тоталитарный режим и страдающие массы), и от левых симпатий прежнего ревизионизма. Вместо традиционного противопоставления режима и подавляемых масс многие современные историки видят их взаимное поддерживание, усиление и слияние. Источник террора оказывается не только в режиме, но и в самих массах, отсталая политическая культура которых неизбежно воспроизводит такой режим, который институционно оформляет массовую агрессию и коллективное пренебрежение к индивидуальности [75].

Так, К. Шлегель пишет, что инициированный верхушкой во имя великой цели избавиться от врагов террор был с готовностью подхвачен и использован множеством структур и граждан для решения своих проблем [76]. В. Голдман в своей монографии [77] отказывается видеть причину развязывания Большого террора в стремлении Сталина к единоличной власти и выдвигает версию самого деятельного участия масс в репрессиях под давлением госаппарата. Изучая профсоюзные организации, она заявляет, что террор осуществлялся согласно приказам и распоряжениям, но приводили его в действие миллионы активных участников. Она прослеживает, как террор, развязанный сверху, распространялся вниз через аппарат профсоюзов — от ВЦСПС до фабзавкомов и рядовых трудящихся, что вызвало как неподдельный энтузиазм в преследованиях, так и всеобщий страх, радикально изменивший взаимоотношения в каждом учреждении или на предприятии.

В настоящее время исследователи признают, что коммунистический террор выполнял целый ряд функций (устрашение ликвидацией реальных и мнимых противников, укрепление большевистской диктатуры, формирование нового общества, очищенного от представителей враждебных социальных, а также национальных групп), отказываясь от какого-то одного универсального объяснения. Среди серьёзных западных историков многие согласны объяснять террор и всевластие карательных органов ленинско-сталинского периода вынужденным стремлением эффективно решить социально-

экономические и военно-дипломатические проблемы, видеть в репрессиях неизбежную плату за социалистическую модернизацию.

Германский историк Й. Баберовски считает причиной перехода к Большому террору в сопротивлении Сталину со стороны региональных и местных элит, саботировавших указания центра. Чистки против нацменьшинств должны были нивелировать этническую карту страны. Баберовски критикует выводы ревизионистов о слабости сталинской власти: «Ревизионисты» перепутали претензию на тотальность с тоталитарным господством. Режим не мог осуществить свои тоталитарные претензии [78], но он постоянно пытался сделать это. В результате в ходе этих попыток общественная и частная сферы жизни в СССР были устроены заново и упорядочены по репрессивному принципу». Таким образом, именно террор как способ осуществления претензии на тотальность составляет, согласно Баберовскому, сущность сталинского режима, опиравшегося на насилие как единственное средство проводившихся реформ. Сталинизм таким образом представляет собой определённый тип цивилизации, сущностью которой стал террор [79].

Американский исследователь Х. Куромия разделяет мнение О.В. Хлевнюка об опасениях Сталина относительно «пятой колонны» в СССР и нанесении превентивного удара по представителям «враждебных национальностей»; также Сталин, по его мнению, особенно опасался командования РККА и раздувал кампанию шпиономании. Н. Верт в последней монографии «Пьяница и цветочница» показывает механизмы «Большого террора», динамику репрессий как в отношении того меньшинства, которое относился к элите, так и к основному контингенту рядовых жертв, прошедшему по «кулацкой» и «национальной» линиям. Террор мыслился властью как важнейший этап социальной инженерии, окончательное завершение политики «раскулачивания» и депортаций «вредных элементов». Также Верт полагает, что в начале 30-х годов имело место целенаправленное намерение сталинского руководства обречь на голод Украину [80]. Однако такие авторитетные специалисты, как Р. Дэвис и С. Уиткрофт, основываясь на уникальных источниках о хлебофуражных балансах СССР в начале 1930-х гг., отрицают идею о целенаправленности украинского голодомора [81].

Интересна новейшая основательная работа Д. Ширера о сталинском полицейском социализме, пытающаяся уловить логику развязывания террора с преодолением общего хозяйственно-политического хаоса первой половины и середины 1930-х годов [82]. Автор исследовал историю советской госбезопасности и милиции в контексте отчаянной попытки государства управлять социальными последствиями гражданской войны, коллективизации, индустриализации и урбанизации. Ширер утверждает, что максимум репрессий во время сталинской диктатуры 1930-х гг. отмечен против маргинальных социальных групп: мелких преступников, проституток, бродяг, сектантов и пр. Советские

лидеры считали общественный беспорядок более опасным для государства, чем политическую оппозицию, используя массовые репрессии в ответ на «последовательности кризисов», становившихся неожиданными для режима (с. 17). Несмотря на все усилия ОГПУ-НКВД и милиции, очистить общество от маргиналов не удалось, и именно эта неудача подготовила почву для массовых чисток 1937 г. Поскольку индустриализация и классовая война в деревне создали «социальные неурядицы библейских масштабов» (с. 64), верхушка испугалась социальной дезорганизации. В декабре 1933 и январе 1934 г. руководители партии и правительства были охвачены, по словам Ширера, «паническими настроениями» (с. 120), в итоге использовав ОГПУ-НКВД для искоренения всех потенциальных противников режима: от криминала и остатков свергнутых классов до целого ряда этнических групп. На основе подсчёта устрашающего числа «вредных элементов» Сталин дал старт великой чистке; автор утверждает, что вождь начал подготовку «Большого террора» весной 1937 г., ссылаясь на то, что некоторые руководители управлений НКВД начали составление проскрипционных списков уже в июне.

Исследовательское поле рассматриваемой темы выглядит чрезвычайно широким. Более основательные разыскания должны быть посвящены наиболее «трудноуловимым» репрессиям периода Гражданской войны, партизанскому и краснобандитскому террору. Здесь перспективно обращение к такому важному демографическому источнику, как церковные метрические книги, которые из фондов МВД постепенно передаются в открытые архивы. Явно недостаточно информации по карательной практике периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени, репрессиям в отношении заключённых и ссыльных. Мало написано о репрессивной функции милиции, внесудебных тройках 1930–1934 гг., ощущается недостаток исследований по работе судов и прокуратуры, военных трибуналов, Особого совещания при НКВД-МГБ СССР. Перспективны дальнейшие исследования в отношении репрессий против криминальных и маргинализованных элементов, конспиративной агентуры спецслужб, нацменьшинств (например, цыган), изучение длившейся всю первую половину 1930-х гг. грабительской так называемой «валютной операции», террора в ходе военных действий в других государствах, репрессий в отношении представителей самих силовых структур. Необходимо дальнейшее изучение региональной специфики террора, поскольку те территории, которые к настоящему времени изучались, показали существенные различия в карательной практике. Так, в коллективной монографии пермских историков [83] обращено внимание на технологию осуществления репрессий в регионе, связь террора и политических кампаний против партийного и хозяйственного аппарата, идеологический контекст кампании против «кулаков», а также отмечено, что в ходе так называемой «кулацкой операции» в Прикамье аресту подвергались в основном рабочие и служащие предприятий [84].

Всё ещё остро стоит вопрос о статистике репрессий, особенно по регионам; наиболее слабо документированы в этом отношении периоды первых лет советской власти, военный и послевоенный периоды.

Попутно отметим неприятные случаи влияния на иных исследователей меняющихся политических реалий, когда неожиданная тенденциозность ведёт к отказу от очевидных оценок, которые зафиксированы, например, в современном законодательстве о жертвах репрессий. Новосибирская исследовательница Л.П. Белковец в 90-е годы выпустила в свет несколько крупных работ о репрессиях в отношении советских немцев, обнародовала важнейшие документы о так называемом «агентурно-оперативном обслуживании» этнической ссылки [85]. А в 2003 г. опубликовала монографию [86], в которой заявила: «...Можно смело утверждать, что переселения народов в годы Великой Отечественной войны... режим спецпоселения и нарушения «законных прав» переселённых народов не представляли собой репрессивного механизма. Спецпоселение не превратилось в часть системы исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа НКВД». Как отметили в связи с этим С.А. Красильников и его соавторы, попытка Л. Белковец последовательно вывести депортации (принудительные переселения) немцев 1941 г. за скобки репрессий, а затем и сами спецпоселения — за пределы репрессивной системы, называя это научной формулой «специальный административно-правовой режим», вряд ли заслуживает быть признанной как вклад в развитие историко-правовых исследований. За наукообразной аргументацией в работе Белковец очевидна «набирающая силу тенденция легитимизировать государственное насилие, оправдать целесообразность его применения» [87].

Странной выглядит и позиция новгородского историка ВЧК-ОГПУ М.Н. Петрова, недавно заявившего, что обилие заключённых в лагерях после войны объяснялось исключительно «борьбой с тем разгулом криминала, который наблюдался в послевоенное время» и предлагающего преподавателям проводить «понятную слушателям параллель с нынешним временем, когда число заключённых давно превысило пресловутый миллион» [88]. На деле в современной России заключённых порядка 800 тыс. и «политических» среди них, насколько можно судить, минимальное количество. Объяснять переполненность ГУЛАГа принципиальной борьбой «органов» с преступностью — значит полностью игнорировать и крайне низкое качество милицейского следствия, и (главное!) жесточайшие сталинские законы, по которым людей массами судили на большие сроки за мелкие преступления и незначительные проступки. Характерны и сожаления Петрова о том, что в современной литературе и кинематографе создан отрицательный образ работников особых отделов на войне, хотя известно, что в 1941—1945 гг. «органы» арестовали почти 700 тыс. чел. и осудили участников около 5 тыс. придуманных «антисоветских контрреволюционных организаций» [89].

Органы госбезопасности глазами гражданских историков

Посвящённая террору и силовым структурам часть известной книги Дж. Кипа и А. Литвина, а также сравнительно немногочисленные работы других историков [90] дают — при большом внимании к теме репрессий — только весьма общие сведения о состоянии современной историографии «органов». Отметим, что многие выглядевшие излишне радикально мнения перестроечной публицистики (основанные на эмигрантских, диссидентских и западных умозаключениях) относительно проблем истории, кадров и особенно методов работы ВЧК-КГБ, имевших явно криминальный характер с первых месяцев существования, вполне подтверждаются позднейшими разысканиями и публикациями [91].

В.П. Булдаков утверждает, что в 1930-е гг. «происходил отбор такого кадрового состава, который был лишён традиционных нравственно-психологических сдержек для грязной работы», и что «НКВД, особенно его гулаговская часть, пополнялась настоящими подонками общества» [92]. Этот тезис подкрепляется мнением современного психоаналитика: «Садизм не был предписан сотрудникам НКВД специальными распоряжениями, он был их личным проявлением. Масштабы его распространения были огромны. По-видимому, среди сотрудников НКВД было много людей с психическими нарушениями, или же они обретали их в процессе своей работы» [93].

Отечественные и зарубежные исследователи до последнего десятилетия преимущественно изучали репрессивные аспекты деятельности советской политической полиции. В целом уже весьма полно изучены проявления террора в отношении крестьянства, военных, номенклатуры, интеллигенции, священнослужителей. Но такое важное направление, как исследование собственно деятельности и аппарата репрессивных органов, находится по сути в начальной стадии. В связи с этим до сих пор ощущается нехватка обобщающих трудов по истории ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ центра и регионов. В сборнике «Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004» наиболее интересны главы, написанные С.В. Леоновым и В.Н. Хаустовым, которые базируются на ценном архивном материале, но касаются лишь довоенного периода; остальной материал значительно слабее.

Современные историки деятельности и внутренней жизни «органов» демонстрируют уверенное освоение всё новых тем, предлагая с каждым годом множасьщееся число основательных публикаций, которые в большей части сосредоточены на изучении истории ВЧК-ОГПУ, в меньшей степени — органов НКВД, в ещё меньшей — НКГБ-МГБ-КГБ. Целая когорта исследователей занимается биографическими разысканиями, попутно вводя ценный архивный и мемуарный материал как о внутренней жизни «органов», подробностях агентурно-оперативной работы, так и о жертвах политической полиции [94]. Статья Б. Сопельняка об исполнителях смертных приговоров приоткрыла завесу

над самой большой кадровой тайной «органов» сталинского периода; затем тема процедуры исполнения смертной казни и исполнителей приговоров была отражена в отдельном исследовании [95].

Ряд исследователей интересуется национальный аспект чекистской кадровой политики. В связи с большим числом евреев в руководстве ВЧК-НКВД вышли книги с биографиями видных чекистов еврейского происхождения — сначала компилятивные [96], а затем и основательные. Так, исследование М.А. Тумшиса и В.А. Золотарёва представляет собой ценный свод не только уже известных и тщательно уточнённых авторами биографий начальников УНКВД, но и гораздо менее известных, но активных в проведении террора их заместителей, начальников отделов местных управлений, а также деятелей лагерной системы, разведчиков и прочих видных чекистов. При этом собственно биографии сопровождаются массивным приложением, где цитируется большое количество ценной дополнительной информации, извлечённой из малодоступных архивов спецслужб [97]. В этом же ряду находится обширный документальный и откомментированный сборник о деятельном участии латышей и эстонцев в строительстве советского государства и его карательной системы [98].

В наиболее серьёзных работах о репрессивной системе видны попытки основательного осмысления процессов, происходивших в недрах карательной машины. На основе документов ФСБ В.Н. Хаустовым проанализированы основные направления разведывательной и контрразведывательной деятельности ОГПУ-НКВД 30-х годов [99]. В совместной монографии В. Хаустова и Л. Самуэльсона «Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.» [100], основанной на значительном массиве документов из ЦА ФСБ и АП РФ, обстоятельно реконструирована технология сталинского контроля над карательными органами, приведены подробные сведения об инициированных диктатором репрессиях в отношении видных деятелей, в т. ч. чекистов. Авторы критикуют распространённый тезис о том, что значительная часть сотрудников НКВД выражала несогласие с политикой репрессий и арестовывалась именно по этой причине [101].

Важна работа О.И. Капчинского, посвящённая подробному исследованию социального и национального состава центрального аппарата ВЧК [102]. Эта монография — пример того, как в отсутствие доступа к документам ФСБ можно добиться превосходных результатов путём тщательного собирания и анализа архивных источников из открытых хранилищ. Много работают по истории ВЧК-ОГПУ региональные историки, в работах которых не только показаны методы агентурно-оперативной работы «органов» и фабрикация подавляющей части дел о «заговорах», но даются подробности психологии и быта чекистов [103]. Выделяется обстоятельностью, опорой на информативные источники, включая приказы и распоряжения центрального аппарата ВЧК, монография А.В. Рыжикова [104].

Подробный рассказ о работе и деятелях Кунцевского РО УНКВД по Московской области в годы «Большого террора», их клановых связях и психологии содержит исследование А.Ю. Ватлина [105]. О динамике места и роли карательных органов в 1930-е гг., сращивании партийных и карательных аппаратов как на кадровом уровне, так и в совместном выполнении многих задач пишет в своём новейшем исследовании О.В. Хлевнюк [106]. А.Г. Тепляковым исследована малоизученная тема масштабной амнистии репрессированных чекистов в годы Великой Отечественной войны, в связи с которой основная часть творцов Большого террора смогла досрочно освободиться из заключения и заработать боевые ордена [107].

В 2007 г. вышли две научные биографии Н.И. Ежова — совместный труд Н.В. Петрова и М. Янсена, английский вариант которого появился пятью годами ранее, а также книга А.Е. Павлюкова [108]. При этом работа Павлюкова в значительной степени повторяет пионерское исследование Петрова и Янсена, во многом опираясь на аналогичные источники из архивов ФСБ и ЦК ВКП (б), однако не содержит ссылок на книги авторов, писавших о Ежове ранее. Н.В. Петров в последние годы опубликовал также монографии о И.А. Серове, деятельности МГБ в Восточной Европе, политических процессах эпохи позднего сталинизма и ряд других работ [109]. В последней работе «Палачи. Они выполняли заказы Сталина» им даны не только портреты руководящих чекистов и наиболее известных следователей, но и приведены, например, интереснейшие факты поведения исторических личностей перед расстрелом.

В последние годы харьковским историком В. А. Золотарёвым выпущено несколько биографических книг о чекистах Украины, отличающихся богатым фактическим содержанием и объективностью оценок. В его исследованиях о В.А. Балицком, А.И. Успенском, крупных чекистах Харьковской и Донецкой областей, руководящем аппарате СПО ГПУ-НКВД УССР приведены уникальные документальные свидетельства об агентурно-оперативной деятельности, структуре и кадрах ВЧК-НКВД Украины, репрессиях, в т. ч. в отношении самих чекистов [110]. Напротив, известная книга британского литературоведа Д. Ренфилда о руководителях сталинской тайной полиции не имеет нового материала и отмечена грубыми ошибками, характерными для авторов, которые не являются глубокими знатоками темы [111].

Но нередко появляются и книги, которые больше обращены в прошлое и предлагают апологетику как направлений деятельности ВЧК-ОГПУ [112], так и конкретных структур «органов». Автор работы о Московской ЧК М.А. Яковлева [113] говорит о том, что партия и народ направляли на работу в чрезвычайные комиссии лучших своих сынов, верных солдат революции, людей редкого мужества и бесстрашия. Яковлева придерживается мнения о том, что действия Советской власти были адекватны ситуации и обстановке конкретного времени, нарушения чекистами законов не носило широкого характера, хотя проявленная ими

жестокость не всегда была оправдана. Автор также говорит о справедливости, объективности и своевременности задач, ставившихся Лениным перед ВЧК, уверяя, что исследователи просто вырывают из контекста известные ленинские фразы, чтобы создать ложное представление о диктаторстве советской власти и большевистской партии.

Традиционно велик интерес общественности к работам об истории внешней разведки. Новыми фактами насыщены монографии В. Голдина и Л. Флейшмана [114] о зарубежной деятельности ВЧК-ОГПУ; большой биографический материал о кадрах разведки и различных спецоперациях собран в многочисленных работах А.И. Колпакиди и др. [115]. В работе М.В. Соколова изучена история эмигрантских организаций «Крестьянская Россия» — Трудовая крестьянская партия, Республиканско-демократический союз, «Борьба за Россию» и др., особое внимание уделено попыткам их лидеров С.С. Маслова, П.Н. Милюкова, С.П. Мельгунова наладить связи с единомышленниками в СССР, показано проникновение в эти организации агентуры ОГПУ [116]. Постепенно открываются страницы истории спецслужб, созданных по образу и подобию ВЧК-НКВД в зависимых от Советской России государствах: Дальневосточной Республике, Монголии, Туве [117].

Однако наиболее ценные работы по истории отечественной разведки опубликованы за рубежом. Например, книги К. Эндрю [118], основанные на сенсационных архивных выписках сотрудника архива СВР В. Митрохина, вывезенных им в Великобританию в 1992 г. Недавно в США вышла коллективная монография с участием бывшего советского разведчика А. Васильева (сделанные последним в архиве СВР обширные выписки из множества агентурных дел ныне являются общедоступными благодаря электронной публикации на сайте Центра Вудро Вильсона) об истории советской резидентуры ОГПУ-МГБ в США [119]. Благодаря этому исследованию стали известны подробности работы на советскую разведку одного из отцов ООН О. Хисса, заместителя министра финансов США Г. Декстер-Уайта — основателя МВФ и Всемирного банка, нобелевского лауреата Э. Хемингуэя (последний, правда, будучи завербован в 1941 г., какой-то реальной работы на СССР не проводил); вместе с тем опровергается ложная информация генерал-лейтенанта МГБ П.А. Судоплатова, что советским агентом был руководитель американского атомного проекта Р. Оппенгеймер. Однако до сих пор наиболее ценные документы о деятельности внешней разведки СССР недоступны даже ведомственным историкам.

Ведомственные особенности изучения проблемы

Анализ литературы позволяет легко вычленить особенную часть историографии вопроса — многочисленные сочинения ведомственных историков. Гражданская и ведомственная историография отличаются также, как военный от штатского. Поэтому приходится выделять

ведомственных историков в отдельную резервацию, с удовлетворением отмечая эффективные попытки выхода отдельных исследователей за пределы зоны «пониженного профессионализма» [120]. Но отнюдь не лучшие достижения историков от ФСБ-МВД определяют лицо историографии, создаваемой работниками закрытых учреждений. По сравнению с 90-ми годами здесь мало что изменилось и историки в погонах ищут какую-то свою, особенную историю для внутреннего употребления. Значительная её часть — вообще для служебного пользования и совершенно неизвестна остальным историкам. Но и надводная часть айсберга весьма велика. Ведомственная историография, до сей поры недостаточно обращая внимания на изменения в прогрессе научного описания деятельности и кадров ВЧК-КГБ, очень внимательно отмечает политические дуновения «нулевых», реабилитировавших в глазах многих суть работы репрессивных органов ленинско-сталинского и последующего периодов.

Тенденциозность, поверхностность, грубые ошибки, а также искажения действительности вплоть до заведомо ложных утверждений отличают многочисленные книги и статьи современных чекистов. Общей особенностью данных публикаций является обильное цитирование документов и статистики внутреннего делопроизводства органов госбезопасности, что обусловлено практически монопольным доступом их авторов к документам Центрального архива (ЦА) ФСБ и региональных архивов ФСБ. Именно введение в научный оборот в цитатах или изложении большого массива неизвестных ранее уникальных источников является основной их заслугой. Однако доверие к языку советских документов, от которого всё более основательно избавляются гражданские историки, у исследователей от спецслужб остаётся зачастую непоколебимым. Например, вышедшие в 2003 г. книги работника ФСБ В.И. Михеева [121] в основном построены на документах ЦА ФСБ, а также местных управлений ФСБ, и дают читателям ту же картину событий, которая предназначалась чекистскому руководству 1920–1930-х гг. Правда, следует отметить, что в последних своих работах В.И. Михеев занимает более объективную позицию по отношению к документам ОГПУ, уже завысивая тенденциозные термины вроде «кулак», «контрреволюционная организация», «повстанческая группировка» и приводя ценные фактические данные о чекистских репрессиях против сельского населения [122].

Подобная эволюция не характерна, однако, для О.Б. Мозохина, отличительной чертой многочисленных работ которого является не только обилие ошибок и неточностей, воспроизведение идеологических штампов советской историографии, но и сознательное игнорирование новейшей литературы, в т. ч. ключевых публикаций по избранной теме. Например, в книге «Право на репрессии» [123] О.Б. Мозохин практически все сноски даёт на архивы ФСБ и Архив Президента (АП) РФ, так что в ней нет ни одной ссылки на чью-либо публикацию. Между тем большое количество цитируемых документов

из архивов КПСС и госбезопасности уже давно введено в научный оборот В.П. Даниловым, В.П. Наумовым, В.Н. Хаустовым, О.В. Хлевнюком и другими историками. Много ошибок делает автор, говоря о структуре и кадрах ОГПУ-НКВД. Но главное, он совершенно обходит исключительную роль ВЧК-МГБ в политико-идеологической системе СССР, их ведомственную заинтересованность в осуществлении репрессий и огромное влияние на все институты государства. О.Б. Мозохин утверждает, что репрессии второй половины 1930-х гг. нанесли «невосполнимые кадровые потери» органам госбезопасности, хотя справедливость этого мнения (с. 18) можно отнести только к аппарату внешней разведки НКВД, а данный вопрос получил объективное освещение в новейших исследованиях. Миф о многотысячных жертвах в самом НКВД давно разоблачён в справочнике Н.В. Петрова и К.В. Скоркина «Кто руководил НКВД, 1934–1941 гг.», однако О.Б. Мозохин упорно завышает количество расстрелянных чекистов во много раз (с. 220) [124]. Авторские ошибки и многочисленные дефекты в приводимой без какой-либо критики официальной статистике репрессий [125] значительно обесценивают работу О.Б. Мозохина. В другой книге, посвящённой деятельности органов ГПУ-ОГПУ по обеспечению экономической безопасности СССР, О.Б. Мозохин, цитируя очень интересные архивные материалы, по-прежнему слепо транслирует чекистскую точку зрения и подробно перечисляет разоблачённых мифических шпионов, давно реабилитированных в судебном порядке. Мало того, при анализе нескольких «шпионско-диверсионных» дел первой половины 1930-х гг. автор прямо подвергает сомнению объективность прокуроров, прекративших данные дела как сфабрикованные [126].

Профессор Академии ФСБ А. М. Плеханов считает, что в 20-е годы деятельность органов ВЧК-ОГПУ направлялась в основном против действительных врагов государства, приводя в качестве примера многочисленные фамилии лиц, осуждённых, например, по обвинениям в шпионаже [127]. Незнание автором новейшей исследовательской и документальной литературы по теме приводит Плеханова к очевидным конфузам, ибо для иллюстрации подрывной работы зарубежных разведок он постоянно ссылается на мифические шпионские и диверсионные организации, участники которых были реабилитированы ещё в 1990-е годы.

Исследование А.А. Здановича о деятельности особых отделов в 1921—1934 гг. [128] отличается основательностью и предлагает для размышлений ценный массив уникальной информации об основных направлениях работы военной контрразведки. В то же время концепция книги базируется на традиционной точке зрения об органах ВЧК-НКВД как послушном инструменте политического руководства, на повторении старых клише, к примеру, о якобы существовавшем «Всесоюзном троцкистском центре» и др. Вместе с тем следует согласиться с автором, когда, критикуя традиционное мнение своего коллеги А.М. Плеханова,

он чётко заявляет, что все официальные высокие требования к морально-политическим и профессиональным качествам сотрудников госбезопасности на деле были далеки от реальности. Правда, А.А. Зданович не приводит статистики правонарушений в ОГПУ и ограничивается аккуратным тезисом о том, что «холодное, бездушное отношение к людям» возникало только у некоторых чекистов. Книга также, к сожалению, изобилует ошибками, искажениями фамилий и инициалов.

Неумение работать с тенденциозными источниками спецслужб наглядно продемонстрировали А.А. Зданович и его коллеги при подготовке крупноформатной публикации документов польской разведки. Авторы предлагают некритический обзор сомнительных источников, подтверждающих самые махровые версии специалистов ОГПУ-НКВД. Публикаторы верят, что нижеперечисленные «националистические организации» действительно существовали, хотя на деле являлись крупными чекистскими провокациями: «...Как следует из дел Экспозитуры-2, таковыми [успехами ОГПУ] были: ликвидация «Союза вызволения Украины» и организации академика Ефремова на Украине, Вели Ибрагимова — в Крыму, Султан-Галиева — в Татарской АССР, Касымова — в Туркмении». Также они смело пишут, что «в конце 1920-х — начале 1930-х гг. ведомство украинского наркома внутренних дел (на деле это было ГПУ УССР — А.Т.) В.А. Балицкого провело целую серию громких разоблачительных процессов, широко освещавшихся в советской печати, на которых был предъявлен обширный компромат против польской разведки и её украинской националистической агентуры». Лидеры КПЗУ Е. Чешейко-Сохацкий (покончил самоубийством в тюрьме, посмертно реабилитирован), Б.В. Скарбек-Щацкий, Политур, Михайлов-Лапиньский цинично именуются «диверсантами, которые пробрались в СССР для проведения продолжительной провокации в КПП и КПЗУ ... Речь шла... о проникновении большого числа польской («прометейской») агентуры в ряды и аппараты названных партий, что во второй половине 1930-х гг. привело к их ликвидации. Нередко эмиссары и курьеры Экспозитуры-2... творили порученное им дело по проведению акций саботажа, диверсий, жестоких убийств и т. п.». Таким образом, авторы сначала оспаривают версию Н.И. Ежова об изменнической деятельности польской компартии, а затем фактически с ней солидаризируются [129].

Противоречиво выглядит изучение персоналий «органов». Очень ценным является начинание А.М. Буякова, введшего в оборот множество биографий до сих неизвестных чекистов предвоенных лет, отличившихся в годы наиболее активной террористической политики. Автор не избежал многочисленных ошибок и искажений, но его работа заслуженно востребована исследователями [130]. Выявление многочисленных биографий наиболее активных чекистов, награждённых главной ведомственной наградой — знаком «Почётный чекист» — представляет собой актуальную задачу. Но М.В. Музалевский, компилируя уже

известные работы (прежде всего, справочники А.М. Буякова, Н.В. Петрова, К.В. Скоркина) решил её лишь частично и допустил, несмотря на три издания своего труда [131], не только понятные пропуски в отношении менее известных фигур, среди которых, в частности, есть профессиональные исполнители смертных приговоров, но и многочисленные ошибки, а его грубые искажения смысла чекистских аббревиатур наглядно свидетельствуют о границах авторской компетенции.

В последние годы ряд крупных исследований работы ВЧК-ОГПУ-НКВД выпустил К.В. Скоркин, однако в них идеализация советской политики доведена до гротеска. При этом книги Скоркина насыщены ценным, хотя и слабо структурированным архивным материалом, который нередко противоречит выводам автора. Например, весьма серьёзно выглядит вклад К.В. Скоркина в изучение системы НКВД первых лет советской власти [132]. Автор впервые в научной литературе рассматривает подробную структуру центрального аппарата НКВД, его деятельность (при этом много сведений приводится о ВЧК-ГПУ) и даны биографии всех руководителей самостоятельных подразделений. Однако многие авторские положения вызывают несогласие. Автор уверяет, что якобы руководство ВЧК в центре и на местах «решительно и безжалостно избавлялось от сотрудников, совершивших должностные преступления и злоупотребления», а цензура в начале 1920-х гг. «не носила идеологического характера». О высланных в 1922 г. интеллигентах даётся вот такое пояснение: они отторгали советскую власть, поскольку «[прежде] жили в хороших квартирах, в комфорте и тепле, получали большую заработную плату, отменно питались, их обслуживала прислуга»). А вот действия ГПУ одобряются: «Отбор кандидатов на высылку за границу чекисты провели вполне профессионально и на очень конкретных документальных основаниях» [133].

В начале 1920-х гг. милиция, согласно Скоркину, обеспечивала «надёжную охрану правопорядка и законности в стране», а чекисты, «проводя в стране вынужденные меры репрессии и принуждения... не выродились в орудие смерти, террора и произвола», сохранили «чистые руки», которые «...умели стрелять, рубить, колоть, строить, ласкать и любить. Только вот «брат» они не умели...» Основной тезис автора чётко свидетельствует о его идеологических предпочтениях: «Советская власть оказалась способной быстро и эффективно думать, находить смелые и оригинальные решения возникающих проблем, а главное — оставаться честной и ответственной перед своим народом...» [134] В монографии о троцкистах Скоркин пытается реабилитировать диктатора Азербайджана М.-Д. Багирова как якобы защитника общесоюзных интересов от националистической республиканской номенклатуры; автор одобрительно высказывается и о раскрестьянивании («руководство СССР к весне 1932 г. добилось коренного перелома в политике коллективизации, завершило

раскулачивание и высылку всех антисоветски настроенных элементов»), и о паспортной системе, позволившей «существенно разгрузить города от избыточного населения и удалить из них антисоветски настроенный элемент». Автор уверен, что СССР разрушили американцы с помощью тайных усилий «Гарвардского проекта» по обработке советской номенклатуры, внедрив в неё мысль, «что социализм — это тупиковый путь развития человеческой цивилизации... Делегаты XX съезда КПСС — лабораторные мышки этого дьявольского проекта» [135]. Скоркин не одинок в своих предпочтениях: так, апологетическими высказываниями относительно значения ГУЛАГа в советской истории наполнено интервью Ю. и М. Морукowych [136].

Некритическое отношение не только к источникам ВЧК-КГБ, но и к явным домыслам, допущенным мемуаристами из числа чекистов, проявляется в ряде новейших работ. Например, А.И. Пожаров в академической публикации примитивно объясняет ненависть Хрущёва к Сталину расстрелом своего сына: «В своё время Сталин отказался помочь Н.С. Хрущёву отвести от смертного приговора его сына, лётчика Леонида Хрущёва, совершившего уголовное преступление» [137]. Однако версия о предательстве и казни боевого лётчика Леонида Хрущёва сочинена из мести к его отцу-«предателю» сталинским охранником Докучаевым [138] и не имеет никаких подтверждений.

В апологетической статье «Феномен Андропова» О.М. Хлобустов манипулирует с цифрами осуждённых по политическим мотивам в хрущёвские и брежневские времена, заявляя о радикальном смягчении репрессий в бытность Андропова главой КГБ [139]. При этом автор не упоминает ни многочисленных посадок диссидентов по сфабрикованным уголовным статьям, ни громких эпизодов с отравлениями А.И. Солженицына и В.Н. Войновича, ни таинственных насильственных смертей среди диссидентов, ни практики массового заключения инакомыслящих в психиатрические лечебницы с специально придуманным диагнозом «вялотекущая шизофрения». И тем более не вспоминает о тех «профилактированных», которых по 20 тыс. человек ежегодно в андроповские времена вызывали в КГБ и предъявляли жёсткие претензии за не те мысли и поступки, не те знакомства, не то чтение, вынуждая под полицейским давлением порывать «вредные» контакты, сжигать книги и переписку, отказываться от творчества, от личностного роста. Об этих бесчисленных драмах сотен тысяч лучших людей страны чекисты умалчивают, но серьёзные исследователи эту тему не обойдут.

Многие книги ведомственных историков малосодержательны и повторяют давно известные факты [140]. А не раз переиздававшиеся работы Л.А. Наумова поверхностны и предлагают выводы, далёкие от науки и восходящие к чекистским версиям 30-х годов о заговоре Ежова и т. д. [141] Стоит ли удивляться, что очень слабо выглядят защищённые в последние годы многие провинциальные

диссертационные работы ведомственных авторов, особенно в регионах, по истории органов политической полиции. В.А. Гашёно и В.В. Онищенко склонны доверять официальной информации о разоблачении на территории Новосибирской и Кемеровской областей в период Великой Отечественной войны многочисленных шпионов немецкой, японской и др. разведок [142]. Зато весьма активно идёт выявление конструктивной деятельности (борьба с экономическими преступлениями, бандитизмом, разведка и контрразведка) чекистских органов Дальнего Востока, обусловленное как наличием заметного числа исследователей, так и доступностью многочисленных документов по истории органов безопасности региона в открытых архивах [143].

Вместе с тем отрадно появление заметного числа информационно насыщенных сборников по истории ФСБ-МВД-ГУИН [144]. Однако почти всё, что выходит за пределы «голой» информации, выглядит и в этих трудах не самым убедительным образом. Выдержки из документов и воспоминаний в многочисленных юбилейных сборниках региональных управлений ФСБ и МВД являются единственным достоинством данных томов [145]. Идеология и лексика этих красиво оформленных подарочных изданий остаётся советской. Например, о крупном сталинском чекисте Б.А. Баке в 2009 г. пишется так: «Около десятка лет в Самаре он разоблачал вредителей, кулаков-террористов, замышлявших или совершивших свои злодеяния» [146]. К привычным формулировкам о разоблачении врагов режима для приличия примешиваются дежурные сожаления о репрессиях 30-х годов, а если автор упоминает выражения вроде «трагедии Гражданской войны», то его можно считать свободомыслящим.

Чекисты периода ВЧК-КГБ по-прежнему остаются для их наследников преимущественно рыцарями без страха и упрёка. Например, в книге о владимирских чекистах приводится восторженный очерк о видном палаче К.Я. Крумине (в Сибири он сфабриковал целый ряд крупных политических дел и даже лечился от нервного расстройства, связанного с активным участием в расстрелах). Составители также не погнушались включить в сборник и бредовую современную статью о «бактериологических диверсиях» 1930-х гг., обвиняющую известных врачей региона в самых страшных преступлениях: «Диверсанты со своими смертельно опасными вирусами гастролировали в Коврове, Шуе, Александрове и Кинешме, оставляя после себя мор и болезни...» [147] Даже проводники сталинского террора прямо превозносятся как герои-патриоты. Чекист В.В. Кочетков — в 1937—1938 гг. начальник дорожно-транспортных отделов ГУГБ НКВД Восточно-Сибирской и Орджоникидзевской железных дорог, — в 1940 г. был осуждён на 5 лет заключения за нарушения законности, а затем амнистирован и участвовал в боевых действиях в немецком тылу [148]. В недавно вышедшей биографии чекиста Д.Н. Медведева, написанной Т.К. Гладковым, о кровавом прошлом Кочеткова нет ни слова; напротив, о нём сказано как о невинной жертве произвола одной-единственной

реабилитирующей фразой: «В период массовых репрессий Кочетков был осуждён к длительному сроку лишения свободы». Аналогичная апологетика содержится в биографии Кочеткова, опубликованной другим его современным коллегой [149].

Откровенной лакировкой отмечены многочисленные сочинения о советских разведчиках и контрразведчиках. Известные книги Т.К. Гладкова сообщают преимущественно положительные факты о чрезвычайно неоднозначных чекистских начальниках и их агентах — А.Х. Артузове, А.М. Короткове, Д.Н. Медведеве, Я.Н. Голосе, Н.И. Кузнецове и др. Важно, что самими же разведчиками (см. объективную книгу В. Чернявского «Разведка. Вымыслы и правда. — М., 2005») был разоблачён внедряемый Гладковым и многими другими сочинителями миф о якобы предотвращённом чекистами — с помощью всё того же незаменимого суперагента Н.И. Кузнецова — покушении на членов «Большой тройки» в Тегеране. Откровенно непрофессиональны многие очерки из многотомной истории внешней разведки, вышедшей под редакцией академика Е.М. Примакова. Среди героев очерков, помимо явных уголовников, вроде Г. С. Сыроежкина, попадаются и личности, вообще не имевшие отношения к разведке, как, например, пресловутый «адъютант его превосходительства» генерал-лейтенанта В.З. Май-Маевского Павел Макаров [150]. В.М. Чиков, когда-то написавший ценную книгу о советских разведчиках в Великобритании, в новейшей работе о легендарном нелегале в Латинской Америке И.Р. Григулевиче использует расхожие пассажи о мировом сионистском заговоре [151].

В последние годы во многих исследованиях всё заметнее попытки реабилитировать органы советской тайной полиции и выдать их начальников за мудрых государственников, к чьим советам роковым образом не прислушивались малокомпетентные вожди. Статья А.И. Пожарова о хрущёвской оттепели в КГБ утверждает, что демократизация общества послужила началом распада СССР. Рассказывая о срыве «важного мероприятия по ликвидации» (убийстве одного из лидеров НТС Г. С. Околовича) после перехода на Запад боевика Н.Е. Хохлова, автор пишет, что этот случай нанёс огромный внешнеполитический ущерб Советскому Союзу, выставив его в качестве государства, «якобы проповедующего террор и заказные убийства» [152]. Логика, видимо, такова: раз «важное» убийство Околовича из-за отказа исполнителя не состоялось, то говорить о том, что советское государство проповедует тайный террор, могут только его заклятые враги. Хотя в том же 1954 г. чекисты при попытке похищения убили другого лидера НТС — А.Р. Трушновича. Также Пожаров искренне считает, что десять лет лагерей для десятиклассника-«антисоветчика» — это и есть должное соблюдение государственной безопасности. Он открыто сожалеет, что после разоблачения Сталина сузилась вербовочная база в стране и за рубежом, [153] так как работники КГБ уже не могли крупно навредить отказавшемуся стать сексотом и больше уговаривали, чем угрожали [154].

Среди взявшихся за перо работников ФСБ есть и любители откровенных сенсаций. Тюменский чекист А.А. Петрушин приписал чекистам 1930-х гг. подготовку заговора против Сталина, уверяя, что работники ОГПУ-НКВД предвидели массовые репрессии в отношении них самих и решили нанести превентивный удар, опираясь на бывших белых генералов вроде «специально» освобождённого из тюрьмы А.Н. Пепеляева. В другой работе А.А. Петрушин превратил одного из руководителей губернских чека М.Д. Бермана в главного чекиста Сибирского региона, а также придумал и факт постановки к середине 1930-х гг. почти всего взрослого мужского населения страны под чекистский контроль [155]. На деле даже к марту 1941 г. на списочном учёте НКВД СССР состоял только 1 млн 263 тыс. чел., а во многих райотделах НКВД к 1937 г. не было учёта ни «социально-вредного элемента», ни представителей «враждебных национальностей» [156].

Сильной стороной историков ФСБ-МВД является разработка исследовательских направлений применительно к институциональной истории своих ведомств, они монополисты в разработке многих проблем оперативной работы чекистов. Благодаря трудам А.А. Здановича, В.И. Михеева и др. исследователей чётко обозначилась роль материалов агентурных разработок в общем потоке вводимых в оборот документов спецслужб. Но заметно, что репрессивные аспекты деятельности «органов» историкам ФСБ-МВД куда менее интересны. Таким образом, особое положение силовых структур в современной системе власти распространяется и на толкование их собственной истории. Данное обстоятельство выпячивает роль ведомственных историков, имеющих приоритетное право доступа к архивным документам и выступающих обычно с работами прямо апологетического характера либо приукрашивающими действительность. Слабая квалификация большинства исследователей из ФСБ-МВД, недоступность даже для них многих важных архивных документов приводит как к случайности публикуемых материалов, так и к искажению текстов, оставлению их без реального комментария.

+ + +

Открытые фонды партийно-советских учреждений, а также доступные довольно многим историкам дела на реабилитированных лиц, вне сомнения, позволяют увидеть очень многое, включая региональные особенности репрессивной политики и причудливые изгибы кадровых решений спецслужб, нюансы взаимоотношений «органов» с другими местными институциями, подробности карательной работы и повседневной жизни представителей «искореняющей профессии». Но далеко не все из вышедших за 2000-е гг. трудов основательно опираются на материалы чекистского делопроизводства: докладные записки, информационные сообщения, расстрельные акты, материалы на не реабилитированных чекистов и милиционеров, а также реальных

преступников, чьи дела вела госбезопасность, поскольку в следственных делах и архивах партийно-советских органов отложилось ограниченное число подобных документов. Основная и наиболее ценная часть фондов госбезопасности практически недоступна историкам. Чрезвычайно затруднён и доступ к архивам МВД, которые также сохранность ведомственной тайны ставят выше государственного архивного законодательства. Между тем без фондов МВД невозможно подробно изучать ни систему лагерей, тюрем и ссылки, ни репрессии против «социально-вредных элементов» и криминалитета, ни даже кадровую историю госбезопасности, поскольку многие личные дела чекистов, приказы по личному составу, материалы служебных расследований и кадровых проверок довоенного периода хранятся именно в архивах МВД. Есть проблемы с доступом ко многим фондам партийных органов, хранящим материалы на чекистов личного, в том числе компрометирующего характера, поскольку многие архивисты препятствуют — под предлогом сохранения личной тайны — ознакомлению исследователей с документами «моложе» 75 лет.

К настоящему времени у исследователей накоплен опыт работы с целым видом чекистских источников, которые в немалом количестве просочились из архивов спецслужб: архивно-следственными делами, разнообразными информационными сводками и «спецсообщениями», протоколами троек, различными меморандумами из информационных сводок и материалов перлюстрации, закрытыми мемуарами сотрудников. Ещё большую ценность имеют те виды документов из архивов спецслужб, которые в настоящее время известны в очень ограниченном масштабе: личные дела агентуры, агентурные разработки и дела формулярного учёта (досье), дела не реабилитированных лиц, акты о приведении в исполнение смертных приговоров, деловая и личная переписка функционеров госбезопасности. Судя по работам ведомственных историков, в архивах сохранились признанные имеющими историческое значение довольно многочисленные агентурные разработки — дела, состоящие из разнообразных материалов, исходивших от агентуры и полученных путём перлюстрации, наружного наблюдения, прослушки и пр. Это крайне интересный и перспективный источник, который со временем будет более активно вводиться в научный оборот. Однако при постоянно растущем количестве работ по истории «органов», на сегодняшний день очевидно и некоторое торможение в разработке множества актуальных тем: от уточнённой статистики репрессий и анализа внутриведомственной преступности до количественных и качественных оперативных показателей работы как отдельных подразделений — политического сыска, внешней разведки, особых и транспортных органов, контрразведки, «работы» с заключёнными и ссыльными, исполнения смертных приговоров, так и службы конкретных сотрудников, в том числе конспиративных, их личного вклада в чекистские операции (особенно за рубежом) и т. д. В связи с недоступностью основного массива ведомственных документов резко

ограничиваются как исследовательские усилия, так и число самих исследователей, которых неизбежно бы привлекли монбланы рассекреченных архивов ВЧК-КГБ.

Отсутствие государственной программы десталинизации и фактическое препятствование историкам выполнять свой долг возлагают бремя осмысления прошлого прежде всего на энтузиастов, уверенных в важности своей миссии. И всё же, несмотря на очевидные внешние препятствия, происходит постепенное сближение гражданских и ведомственных исследователей, а изучение истории советской карательной системы является одной из самых динамичных отраслей современного историознания.

[1] *Рогинский А.* Память о сталинизме // История сталинизма. Итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. — М., 2011.

[2] См. Иосиф Сталин в объятиях семьи. Сб. документов. Сост. Ю.Г. Мурин. — М., 1993; Левые эсеры. Сборник документов. Сост. А.Л. Литвин. — Казань, 1996; Генеральный комиссар государственной безопасности Генрих Ягода. Сборник документов. — Казань, 1997; Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991: Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров М., 1997; Кронштадт 1921. Сост. В.П. Наумов, А.А. Косаковский. — М., 1997; Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг. Документы и материалы. Под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. — М., 1997; Политбюро и церковь. Сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. В 2-х тт. — М., 1997; Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог. Сост. О.В. Эдельман. — М., 1999, и др.

[3] Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. — М., 2000–2003; Лубянка и ВЧК-МГБ. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1922–1953 гг. / Сост. В. Н. Хаустов и др. — М., 2003–2007; так и отдельных сборников Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. — М., 2001; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. — М., 2005; Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ /сост. А. М. Плеханов и А. А. Плеханов. — М., 2007. О.Б. Мозохин, незнакомый с правилами издания документов, уверяет (см. *Мозохин О. Б.* Деятельность ГПУ-ОГПУ по обеспечению экономической безопасности советского государства (1922–1934 гг.). Автореферат дисс. д.и.н. — Самара, 2011. С. 16), что сборник о Дзержинском был подготовлен «на высоком археографическом уровне», хотя на деле составители пропустили целый ряд важных документов, часть материалов исказили, неправильно датировали и даже напечатали дважды, а комментарии весьма неудовлетворительны).

[4] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. — М., 2000–2006; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 1–4. 1918–1939. Документы и материалы. — М., 1998–2012 (продолжается); Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Сборник документов. Т. I–V. М., 1995–2009.

[5] Процесс эсеров; ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1918–1960 гг. / Сост. А.И. Кокурин и Н.В. Петров. М., 2000; Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991: Справочник. / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. — М., 2003; 1937–1938 гг. Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на Томской земле. Сб. документов и материалов. — Томск: М., 2006; Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920—1941 гг. Док-ты и материалы. Сост. А.И. Савин. — Новосибирск, 2004.

[6] Выделяются тщательностью подготовки тома «Ленинградского мартиролога», а также, например, том «Узницы «АЛЖИРА»: Список женщин-заключённых Акмолинского и других отделений Карлага. — М., 2003.

[7] Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. — Чита, 2000; Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Сост. Красильников С.А. и др. — Новосибирск. Вып. 3. 2010.

[8] *Черушев Н.* 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. — М., 2003; *Мильбах В. С.* Особая Краснознамённая Дальневосточная армия (Краснознамённый Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. — СПб, 2007; Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей. — М., 2010.

[9] Меншевицкий процесс 1931 г. Кн. 1–2. — М., 1997–1999; Демократический союз. Следственное дело. 1928–1929 гг. — М., 2010; Савинков Борис на Лубянке: Документы. — М., 2001; Генерал В. С. Михайлов. 1875–1929. Документы к биографии: Очерки по истории военной промышленности. — М., 2007; Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Т. 1–4. — М., 1998–2007; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920—1930-е годы: эмиграция и репрессии. Док-ты и материалы. / Сост. и науч. ред. А.И. Савин. — Новосибирск, 2009.

[10] Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. — М., 2012; Политбюро и дело Берия. Сборник документов. — М., 2012.

[11] Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / Г. Д. Жданова, В.Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. — М., 2010; «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция в Украинской ССР: 1937–1941 гг.: В 2 т. — М., 2010.

[12] *Золотарьев В. А.* Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. — Харків, 2007;

Петров Н.В., Янсен М. «Сталинский питомец» Николай Ежов. — М., 2007; *Хаустов В.Н., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. — М., 2009.

[13] Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: В 2 т. — Київ, Сфера, 2003; Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. / Упоряд. Сергій Кокін, Марк Юнге. Т. 1, 2. — Київ, 2010.

[14] Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки. — Київ, 2009.

[15] Керівники української зовнішньої розвідки. — Київ, 2010.

[16] *Подкур Р., Ченцов В.* Документы органов государственной безопасности УССР 1920 — 1930-х годов: Источниковедческий анализ. — Тернополь, 2010.

[17] Генералы органов государственной безопасности Беларуси: краткий биографический справочник (1918–2008). — Минск, 2008; Красный террор: Политическая история Казахстана (сборник документальных материалов политических репрессий 20–50-х годов XX века) / Сост. Койгелдиев М.К., Полулях В.И., Тлеубаев Ш. Б. — Алматы, 2008; *Елеуханова С. В.* История Карлага: охрана, режим и условия содержания заключённых (1930–1956 гг.) Автореферат дисс. канд. ист. наук. — Караганда, 2009; *Дулатбеков Н.О., Жумадилова Н.Т.* Карлаг: творчество в неволе. Художники, музеи, документы, памятники (на рус., каз., англ. яз.) — Караганда, 2009.

[18] *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. — М., 1999; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Сост. М. Смирнов. — М., 1998.

[19] *Скоркин К. В.* На страже завоеваний Революции. Местные органы НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2010. Высоко оценивая собранный за много лет крайне нужный исследователям материал (сотни неизвестных персоналий), следует отметить значительное количество ошибок и огромного числа опечаток, а также избирательность примечаний, в которых автором даются причины перемещений руководящих чекистов; на самом деле лиц, смещённых за различные преступления и злоупотребления, было гораздо больше.

[20] Историческая энциклопедия Сибири. В 3 тт. — Новосибирск, 2009.

[21] URL: <http://sammler.ru/index.php?showtopic=14514&st=120>

[22] *Бар-Селла З.* Литературный котлован. Проект «писатель Шолохов». — М., 2005.

[23] *Костырченко Г. В.* Расовые инструкции Берии. По поводу публикации одной фальшивки // Лехаим. 2002. № 5. С. 70–75.

[24] *Качелин А. С.* Формирование кадров государственной службы как класса: от Петра I до настоящего времени // Научный вестник Уральской академии гос. службы. Вып. 1 (10), май 2010.

[25] *Абрамов А.В., Семенюк Н.А., Олефиренко В. Л.* История зарождения, становления и развития военно-врачебной экспертизы (до начала Великой Отечественной войны) // Журнал психиатрии и медицинской психологии. Издание Донецкого гос. медицинского ин-та. 2006. № 1 (16).

[26] См. цитаты в: *Петрушин А. А.* Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова. — Тюмень, 2011. С. 134–135.

[27] *Курляндский И.* Протоколы церковных мудрецов. К истории мнимого поворота Сталина к религии и Православной Церкви в 1930-е годы // Политический журнал. 2007. 13 дек.

[28] *Айдаев Ю.* Хайбах — аул, которого нет. Чеченцы: история и современность. — М., 1996. С. 275.

[29] *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. — М., 2001.

[30] «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД». Документы о проведении спецоперации по депортации народов ЧИ АССР. 1943–1944 гг. Публ. В.П. Сидоренко // Исторический архив. 2000. № 3. С. 79–80. В данной публикации В.П. Сидоренко официального отчёта М.М. Гвишиани об операции в Галанчжойском районе говорится о нескольких десятках убитых или умерших в пути чеченцев.

[31] Вопросы истории. 2003. № 10. С. 37.

[32] *Хлевнюк О. В.* «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. — М., 2004; *Петров Н. В.* Некоторые тенденции в современных исследованиях по истории советских карательных органов и репрессивной политики // Україна-Росія: діалог історіографій: Матер. міжнар. наук. конф. 2002 р. / Ін-т історії України НАН України, Канад. ін-т укр. студій Альбертського ун-ту (Едмонтон), Сіверський ін-т регіон. дослідж. — Київ; Чернігів, 2007. С. 181–197; *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. — М., 2009; *Кропачев С. А.* От лжи к покаянию: Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937—1945 годах. — СПб., 2011.

[33] *Степанов М. Г.* Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). — Абакан, 2008; *Он же.* Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. — Абакан, 2009.

[34] *Кропачев С. А.* Новейшая историография о масштабах политических репрессий □ С. 166–172.

[35] *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — М., 2001; *Рассказов Л. П.* Деятельность органов государственной безопасности по реализации политики ВКП (б). (Конец 1920-х — 1941). — М., 2001 и др.

[36] Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. — Новосибирск, 2001. С. 252; Палков С. А. Тройки ОГПУ-НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. научных статей. — Новосибирск, 2010. С. 153–154.

[37] Кропачев С. А. Международная научная конференция в Париже о сталинском «Большом терроре» // Отечественная история. 2009. № 1. С. 207.

[38] Познанский В. С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. — Новосибирск, 2007.

[39] Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. — М., 2008; Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. — М., 2009; Бурдс Д. Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). — М.: Нью-Йорк, 2006; Аблажей Н. Н. «Харбинская операция» НКВД 1937–1938 гг. на Урале и в Сибири // Общество. Интеллигенция. Репрессии: Сб. статей. — Новосибирск, 2009. С. 143–164; Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побеждённые. — Абакан, 2006; Тепляков А. Г. Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. — М., 2008.

[40] Макаров А. А. Репрессии в Красноярском крае (1934–1938). — Абакан, 2008.

[41] Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора □ С. 571.

[42] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. — Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. — М., 2006. С. 568.

[43] 1933 г. Назинская трагедия. Документальное научное издание. Сост. С.А. Красильников. — Томск, 2002; Werth N. Cannibal Island: death in a Siberian gulag. — Princeton, 2007.

[44] Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). — Новосибирск, 2004.

[45] Деннингхаус В. В тени «Большого брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). — М., 2011.

[46] Полян П. М. Не по своей воле □ История и география принудительных миграций в СССР. — М., 2001; Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. — М., 2003; Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. — М., 2003; Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. — М., 2010; Батырбаева Ш. Д. Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. — М., 2010; Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. — М., 2008; 1937 год. Российские корейцы: Приморье-Центральная Азия-Сталинград (Депортация). — М.,

2004; *Джуха И. Г.* Спецэшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. — СПб., 2008; *Убушаев В.Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959. — Элиста, 2007; Сталин и немцы: Новые исследования. Под ред. Ю. Царуски. — М., 2009; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920—1980-е годы. Избр. док-ты / Сост., вступит. статья и комм. А.И. Савина. — Новосибирск: СПб., 2006; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). — М., 2011.

[47] *Полян П. М.* Не по своей воле □ С. 239–240.

[48] *Неймарк Н.* Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. — М., 2005.

[49] *Шадт А. А.* Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940–1950- гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. — Новосибирск, 2002. С. 244.

[50] *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. — Екатеринбург, 1992. С. 228.

[51] В феврале 1943 г. на строительные работы в г. Алапаевск Свердловской области прибыло 5 тыс. трудмобилизованных из Средней Азии узбеков, туркмен, киргизов и казахов, а к январю 1944 г. из них оставалось 1 094 чел., в основном тяжелобольных, а 2 613 значились выбывшими домой по болезни. Соответственно, 1 300 чел. частью сбежали, частью погибли. Из тех, кто оказался активирован по болезни, вернуться удалось не всем: из эшелона в 1 050 чел., который перед отправкой 13 дней стоял в Алапаевске с людьми без всякого снабжения и отопления, в Новосибирске было снято 80 трупов и 108 истощённых больных, из которых 22 и 23 января 1944 г. умерло 20 чел. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 876. Л. 45, 46.

[52] *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 2010.

[53] *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. — М., 2004; *Плеханов А. М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. — М., 2006; *Ратьковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. — СПб., 2006; *Ратьковский И. С.* Петроградская ЧК и организация доктора В.П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 100–115; *Дойков Ю. В.* Красный террор. Россия. Украина. 1917–1924. — Архангельск, 2008.

[54] *Тепляков А. Г.* Кровавое в кривом: органы госбезопасности в зеркале ведомственной историографии // Клио. 2012. № 6 (66). С. 141–148.

[55] *Борисова Л. В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. — М., 2001.

[56] *Боева Л. А.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. — М., АИРО-XXI, 2009.

[57] *Скоркин К. В.* На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. — М., 2011. С. 909.

[58] *Рогов Г. Ф.* (Кузнецк, декабрь 1919). Аннот. список литературы. Сост. Т.Н. Киреева. — Новокузнецк, 2010.

[59] Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. — Владивосток, 2003. С. 40, 366, 372; *Левкин Г. Г.* Было, но быльём не поросло... — Хабаровск, 2006.

[60] *Смоляк В. Г.* Междоусобица. По следам нижеамурской трагедии. — Хабаровск, 2009.

[61] История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. — М., 2004–2005; *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. — М., 2006; *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора. — М., 2006; *Бородкин Л.И., Грегори П., Хлевнюк О. В.* ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. — М., 2005; *Козн С.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв. — М., 2011; *Нахапетов Б. А.* Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. — М., 2009; *Бродский Ю.* Соловки. Двадцать лет Особого назначения. — М., 2000; *Бикметов Р. С.* Под конвоем в шахту: Спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса (начало 1930-х — середина 1950-х гг.) — Кемерово, 2002; *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области. 1929–1953 гг. — М., 2010; *Павлов Д. Б.* Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ, 1923–1933 г. // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей. — М., 2010.

[62] История пенитенциарной системы в Бурятии. — Улан-Удэ, 2006; *Уйманов В. Н.* Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). — Томск, 2011.

[63] *Виола Л.* Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. — М., 2010; *Красильников С. А.* Серп и Молох: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. — М., 2003, 2009; *Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С. Н.* Корни или щепки: крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. — М., 2010.

[64] *Надькин Т. Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. — М., 2010.

[65] Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. — М., 2002; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. Сост. В.И. Шишкин. — М., 2003; *Исаев В. И.* Они хотели убить Сталина. — Новосибирск, 2005; *Рожнева Ж. А.* Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920—1930-е гг. — Томск, 2008; Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный

анализ механизмов и практик проведения: сб. материалов российско-французского семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.). — Новосибирск, 2010; Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. материалов франко-российского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.) — Новосибирск, 2011; *Красильников С. А.* «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири (по материалам архивно-следственного дела) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2005, № 2.

[66] *Морозов К. Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. — М., 2005.

[67] *Войтиков С. С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. — М., 2009; *Он же.* Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917–1921. — М., 2010.

[68] *Зима В. Ф.* Человек и власть в СССР в 1920—1930-е годы: политика репрессий. — М., 2010.

[69] *Кокуев С. Б.* Дело Я.М. Краузе. 1937–1940 гг.: дис. □ канд. ист. наук. — СПб., 2005.

[70] *Chinsky P.* Micro-histoire de la Grande Terreur: La fabrique de culpabilité à l'ère stalinienne. Paris. 2005.

[71] *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. — М., 2007; *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Внешняя разведка России. СПб.-М., 2001 и др.

[72] *Кудрявцев В., Трусев А.* Политическая юстиция в СССР. — М., 2000.

[73] *Багдасарян В. Э.* «Загадочный тридцать седьмой». Опыт историографического моделирования // Историография сталинизма / под ред. Н.А. Симония. — М., РОССПЭН, 2007. С. 172–206.

[74] *Хлевнюк О. В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. — М., 1992; *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. — М., АИРО-XX1, 2003.

[75] *Добренко Е.* Советское прошлое: манифест нового ревизионизма. Рец. на кн.: *Everyday life in early Soviet Russia: Taking the revolution inside.* Bloomington, 2006 // Новое литературное обозрение. 2007. № 85.

[76] *Шлегель К.* Террор и мечта. Москва 1937. — М., 2011.

[77] *Голдман В.* Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. — М., 2010.

[78] Ср. с утверждением одного из виднейших российских культурологов, что «тоталитарная система вообще никогда и нигде не доходила в своём развитии до последней точки, до последнего человека»: *Соскин В. Л.* Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории. — Новосибирск, 2004. С. 74.

[79] *Baberowski J.* Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. Deutsche Verlags-Anstalt. — München, 2003. S. 8–10.

[80] *Werth N.* L'Ivrogne et la Marchande de fleurs. Autopsie d'un meurtre de masse, 1937–1938. — Paris, 2009.

[81] *R. W. Davies and Stephen G. Wheatcroft,* The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. — New York: Palgrave Macmillan, 2004.

[82] *David R. Shearer,* Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. — Yale University Press, 2009.

[83] «Включён в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937—1938 гг. — М., 2009.

[84] Пермские авторы одной из последних публикаций о терроре «Пишите то, что я приказываю». Особенности массовой репрессивной операции по приказу 00447 в г. Краснокамске» А.Н. Кабацков и И.Ю. Федотова (Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 161–174), доказывают, что репрессировавшая более 1 000 чел. операция, проведённая Пермским оперсектором УНКВД по Свердловской области в Краснокамске, «выделялась своим ярко выраженным этническим характером», поскольку основным объектом репрессивных мероприятий пермских чекистов стали уроженцы Татарстана, высланные в Пермский край в качестве «раскулаченных». Авторы утверждают, что в приказах союзного НКВД об операции против «кулаков» или национальных операциях нет никаких упоминаний о национальном контингенте татар, в связи с чем данная «специфика» может считаться «заслугой областного начальства, стремящегося действовать на опережение официальных приказов столичного руководства и ведущего поиск новых социальных групп» для репрессий. На деле в основе репрессивной акции против «раскулаченных» татар лежала директива ГУГБ НКВД СССР от 8 июня 1937 г. «Об агентурно-оперативной работе по антисоветским тюрко-татарским националистическим организациям». См. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 гг. — М., 2004. С. 648.

[85] *Белковец Л. П.* Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.) // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. — М., 1999. С. 158–180.

[86] *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. — Новосибирск, 2003 (2-е изд. — М., 2009).

[87] *Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С. Н.* Корни или щепки... С. 15–17.

[88] *Петров М. Н.* Материалы «Исторических чтений на Лубянке» в преподавании исторических и правовых дисциплин // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. — М., 2008. С. 353.

[89] Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 /Архив Сталина. Док-ты высших органов парт. и гос. власти. — М.,

2006. С. 575. Профессор Б.А. Старков, известный в 90-е гг. многочисленными, резкими и не всегда основательными публикациями об истории ВЧК-НКВД, ныне прямо обвиняет критиков сталинщины в антипатриотизме: «Стихийное рассекречивание, связанное с крушением социалистической государственности советского типа, привело к появлению мифологизированной истории Советского общества. <...> Трактовка деятельности органов государственной безопасности в истории российской государственности приобрела негативный, антинародный и антинациональный характер. Это в значительной степени способствует формированию деструктивного исторического сознания, выхолащивая духовно-нравственные основы... за этим нередко стоят... политические и коммерческие интересы не только авторов, но и определённых групп, выступающих с антинациональных позиций». *Старков Б.А.* План «Д»: вымыслы и действительность. Специальные мероприятия органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны // URL:<http://www.chekist.ru/article/2219>

[90] *Леонов С. В.* История советских спецслужб 1917–1938 гг. в новейшей историографии (1991–2006) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. — М., 2007. С. 11–63.

[91] *Абраменко Л. М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. — Киев, 2005; *Филимонов С. Б.* Тайны крымских застенков. — Симферополь, 2003; «Руководствуясь революционной совестью» Сборник документов по истории Алтайской губЧК 1919–1922. — Барнаул, 2006; Красный террор на востоке России в 1918—1922 гг. Сост. С.С. Балмасов. — М., 2006; Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. Сост. С.В. Волков. — М., 2010; *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. — М., 2007; *Он же.* О коррупции в органах НКГБ-МГБ СССР 1940–1950-х гг. // Общество. Интеллигенция. Репрессии: сб. статей. — Новосибирск, 2009 и др.

[92] *Булдаков В. П.* Красная смута С. 572.

[93] *Соловьев К. В.* Психологические последствия репрессий 1917–1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе // Журнал практической психологии и психоанализа. Ежеквартальный научно-практический журнал электронных публикаций. 2010. № 4 URL: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20100403>

[94] *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — М., 2007; *Сухомлинов А. В.* Кто вы, Лаврентий Берия? — М., 2003; *Соколов Б.В.* Берия. Судьба всемогущего наркома. — М., 2008; *Буяков А.М.* Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923–2003 гг. — Владивосток, 2003; *Тумшиц М.А.* ВЧК. Война кланов. — М., 2004; *Голоскоков И.В., Уйманов В. Н.* На страже: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. — Томск, 2008; *Тепляков А. Г.* Опричники Сталина. — М., 2009;

Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / Автор-сост. А.С. Колесников. — Хабаровск, 2011; *Испаров А. А.* НКВД-НКГБ-МВД Дагестана: руководящий состав, 1934–1953 гг.: истоки в документах. — М., 2010; *Золотарьев В.* Свояк Сталина (сторінки біографії комісара держбезпеки 1 рангу Станіслава Реденса) // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. — 2004. № ½. С. 210–249.

[95] *Сопельняк Б.* Профессия убивать. Палачи сталинской эпохи // *Родина*. 2003. №9. С. 66–69; *Тепляков А. Г.* Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920—1930-х годах. — М., 2007.

[96] *Абрамов В.* Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. — М., 2005.

[97] *Тумшиц М.А., Золотарев В. А.* Евреи в ЧК-ГБ. — Самара, 2012.

[98] Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя / **Сост.: В.А. Гончаров, А.И. Кокурин.** — М., 2009.

[99] *Хаустов В. Н.* Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // *Cahiers du Monde Russe*. 2001. Т. 42. № 2–4. С. 357–373; *Хаустов В. Н.* ВКП (б) и органы госбезопасности (1920-е — 1941) // Исторические чтения на Лубянке. — М., 2004.

[100] *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. — М., РОССПЭН, 2009.

[101] *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии... С. 236–237.

[102] *Капчинский О. И.* Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. — М., 2005.

[103] *Тепляков А. Г.* Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. — М., 2008; *Он же.* Агентурная работа ОГПУ-НКВД в системе мобилизационных практик сталинского режима // Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики. Сб. науч. статей. Вып. 2. — Новосибирск, 2012. С. 138–157; *Тумшиц М.А., Папчинский А.А.* 1937. Большая чистка... 2009; *Наумов И. В.* Органы государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930–1936) URL:<http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Naumov.htm>.

[104] *Рыжиков А. В.* Ивано-Вознесенская губернская чрезвычайная комиссия. 1918–1922 гг. — Иваново, 2007.

[105] *Ватлин А. Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. — М., РОССПЭН, 2004.

[106] *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. — М., 2010.

[107] *Тепляков А. Г.* Амнистированные чекисты 1930-х гг. в период Великой Отечественной войны // *Клио*. 2012. № 7 (67). С. 69–76.

[108] *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — М., 2007; *Павлюков А. Е.* Ежов. Биография. — М., 2007.

[109] *Nikita Petrov*. Les transformations du personnel des organes de sécurité soviétiques, 1922–1953 // Cahiers du Monde Russe 42/2–4. Paris, 2001; *Петров Н. В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. — М., 2005; *Он же.* По сценарию Сталина. Роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. — М., РОССПЭН, 2011; *Он же.* Палачи. Они выполняли заказы Сталина. — М., 2011.

[110] *Золотарьев В. А.* ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщине: люди та доли (1919–1941). — Харьков, 2003; *Он же.* Олександр Успенський: особа, час, оточення. — Харьков, 2004; *Он же.* Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. — Харьков, 2007; *Золотарев В., Степкин В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Донбассе: Люди и документы 1919–1941. — Донецк, 2010.

[111] *Рейфилд Д.* Сталин и его подручные. — М., 2008. В этом смысле работа журналистки Э. Эпплбаум о ГУЛАГе выглядит гораздо более интересной, предлагая широкой публике объективную картину жизни этого государства в государстве.

[112] *Плеханов А. М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. — М., 2006.

[113] *Яковлева М. А.* МЧК: Московская чрезвычайная комиссия. — М., 2011.

[114] *Голдин В. И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. — Архангельск: СПб., 2010; *Флейшман Л.* В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. — М., 2003 и др.

[115] *Дегтярев К., Колпакиди А.* Внешняя разведка СССР. — М., 2009; *Гладков Т.* Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков. — М., 2002; *Батулин Ю.* Досье разведчика. — М., 2005; *Никандров Н.* Иосиф Григулевич. Разведчик, «которому везло». — М., 2005; *Соцков Л. Ф.* Код операции — «Тарантелла». Из архива внешней разведки России. — М., 2007; *Долгополов Н.* Абель — Фишер. — М., 2010.

[116] *Соколов М. В.* Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века. — М., 2011.

[117] *Соловьев А. В.* Государственная политическая охрана Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.) // Становление и деятельность органов безопасности в Сибири. — Новосибирск, 2007. С. 26–41; *Тепляков А. Г.* «□ГВО в Монголии является таким органом, куда почти каждый гражданин обязательно попадает»: Государственная внутренняя охрана МНР глазами инструктора ОГПУ, 1926 г.: // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8: История. С. 184–192.

[118] *Andrew C.* The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB. — Basic Books, 2000; *Vasili Mitrokhin and Christopher Andrew*, The World Was Going Our Way: The KGB and the Battle

for the Third World. 2005; The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West. — Penguin Press History, 2006.

[119] *John Earl Haynes, Harvey Klehr, Alexander Vassiliev. Spies: The Rise and Fall of the KGB in America.* — New Haven & London. Yale University Press. 2009.

[120] *Зданович А. А. Отечественная контрразведка 1914–1920.* — М., 2004; *Шинин О. В. Проведение органами ГПУ-НКВД активных мероприятий (на материалах Дальневосточного региона) в 1922—1941 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4. С. 144–157.*

[121] *Мухеев В. И. Основные направления деятельности органов ГПУ-ОГПУ Центрального Черноземья в 1922—1934 гг.* — М., 2003; *Он же. Деятельность органов безопасности по противодействию бандитизму и повстанческим проявлениям в Центральном Черноземье в 1922—1934 годах.* — М., 2003.

[122] *Мухеев В. И. Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930 г. // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008.* — М., 2008. С. 173–187.

[123] *Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953).* — Жуковский: М., 2006.

[124] Характерные мифические утверждения о том, что аппарат НКВД в 1937—1938 гг. пострадал в процентном отношении больше, чем все остальные ведомства, см.: *Полянский А. И. Ежов. История «железного» сталинского наркома.* — М., 2001. С. 40.

[125] Достаточно любому читателю взглянуть на графу, в которой Мозохиним указаны данные о расстрелянных в 1932 г., чтобы увидеть несуразно большое количество осуждённых к высшей мере наказания (436 тыс.), и несложным подсчётом определить, что в графе «ВМН» просто суммированы все осуждённые по стране за 1932 г. Число расстрелянных следует искать в графе «ИТЛ», а заключённых в лагеря — в графе «Адм. высылка» (с. 302–307). Эти грубейшие ошибки, которые фактически лишают возможности пользоваться приведённой статистикой за весь 1932 г., обнаружены Мозохиним ещё в 2005 г. (*Мозохин О., Гладков Т. Менжинский. Интеллигент с Лубянки.* — М., 2005), и без коррекции повторены в «Праве на репрессии». Немногим лучше ситуация с карательной статистикой 1931 г.: на с. 294–295 итоговая цифра репрессированных приведена в графе «Прочие обвинения», количество расстрелянных — в графе «Переданные», число осуждённых к заключению в ИТЛ — в графе «Всего».

Официальные опубликованные данные о расстрелах по СССР за 1933 г. (с. 312) являются полностью дефектными и многократно ниже реальных не только оттого, что в них изначально отсутствуют сведения о расстрелянных *тройками* в Западной и Восточной Сибири, а также на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях. *Тепляков А.Г. Массовые внесудебные казни в СССР*

в 1933 г.: новые данные // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 9: История. С. 50–54. Данные ЦА ФСБ наглядно говорят, что традиционно приводимые данные о расстрелах по местным органам ОГПУ в СССР за 1933 г. (2 154 жертвы) не имеют никакого отношения к расстрелянным, а свидетельствуют лишь о численности помилованных, поскольку взяты из графы «ВМСЗ с зам.[еной] ИТЛ»). ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Д. 57. Л. 44–60 (указано С.П. Сигачевым и Н.Г. Охотиным). Между тем в Западной Сибири в 1933 г. только по «заговору в сельском хозяйстве» было расстреляно 976 чел., по «белогвардейскому заговору» — не менее 247 чел. *Папков С. А.* Сталинский террор в Сибири 1928–1941. — Новосибирск, 1997. С. 92–96. Тройкой при ПП ОГПУ Восточно-Сибирского края с декабря 1932 г. по середину марта 1933 г. было осуждено к расстрелу 1 712 чел., а тройкой при ГПУ Белоруссии с декабря 1932 по апрель 1933 г. — 2 158 чел. ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 712. Л. 2; Д. 657. Л. 7. Согласно данным Службы безопасности Украины, за 1933 г. ГПУ УССР осудило 45 тыс. человек, из них 774 — к высшей мере наказания. Ещё 750 чел. были приговорены к расстрелу по делам ГПУ гражданскими судами республики. См. *Нікольський В. М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х — 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. — Донецьк, 2003. С. 389 (указано В.А. Золотарёвым).

В книге Мозохина много других ошибок. На с. 244 он отнёс давно опубликованную и заниженную цифру репрессированных с 1935 по 1940 гг. — 1 980 635 арестованных и 688 503 расстрелянных — к совершенно непонятному периоду (то ли к 1934–1953 гг., то ли к 1953–1954 гг.), при этом её исказил и тем занижил число арестованных на 60 тыс. чел. Согласно Мозохину, НКВД Башкирии базируется во Фрунзе (с. 164), а упоминая арест чекистами Свердловской области 2 330 чел. во время «операции по японцам» в начале 1938 г. (с. 165), Мозохин не поясняет, что имеются в виду не этнические японцы, а «японские шпионы», к которым относили, в первую очередь, харбинцев, китайцев и корейцев, а также русских, высланных с Дальнего Востока.

[126] *Мозохин О. Б.* Деятельность ГПУ-ОГПУ по обеспечению экономической безопасности советского государства (1922–1934). — М., 2009. С. 343–354, 386.

[127] *Плеханов А. М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности... 2006.

[128] *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). — М., 2008.

[129] *Былинин В.К., Зданович А.А., Кортаев В. И.* Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. — М., 2007. Т. III. С. 318–414.

[130] Буяков А. М. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД. Вып. 1, 2. — Владивосток, 2002, 2008.

[131] Музалевский М. В. Почётные чекисты. Т. 1, 2 (в 6 кн.). 1923–1939. — М., 2010.

[132] Скоркин К. В. На страже завоеваний революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. — М., 2010; Он же. МВД России. Люди, структура, деятельность. Т. 2. НКВД РСФСР 1917–1923. — М., 2008.

[133] Скоркин К. В. МВД России. Люди, структура, деятельность. Т. 2... С. 405–406, 410, 492, 506.

[134] Там же. С. 520, 565, 456.

[135] Скоркин К. В. Обречены проиграть. Власть и оппозиция, 1922–1934. — М., 2011. С. 377, 442, 500, 766.

[136] Моруков Ю., Моруков М. О Гулаге без вымыслов // Правда. 2011. 17 окт.

[137] Пожаров А. Современная источниковая база по истории советских спецслужб 1950-1960-х гг. // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 29-36.

[138] Докучаев М. С. Москва. Кремль. Охрана. — М., 1995.

[139] Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. — М., 2006. Том IV. С. 198–199.

[140] Линдер И.Б., Чуркин С. А. Спецслужбы России за 1000 лет. — М., 2008, Хлобустов О. М. Неизвестный Андропов. — М., 2009; Сойма В. Запрещённый Сталин. — М., 2005.

[141] Наумов Л. А. Сталин и НКВД. — М., 2007.

[142] Гашёнок В. А. Деятельность органов безопасности по защите глубокого тыла в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей). Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Кемерово, 2008; Онищенко В. В. Образование и деятельность советских органов государственной безопасности в Кемеровской обл. Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Кемерово, 2010.

[143] Буяков А. М. Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. — Владивосток, 2002; Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего. — Владивосток, 2003; Попёнок А. В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 — конец 20-х гг. XX в.). — Хабаровск, 2009; Аурилене Е.Е., Цыбин А. Ю. Меч пролетарской диктатуры: Дальневосточные органы ГПУ-ОГПУ в борьбе за экономическую безопасность СССР. — Хабаровск, 2010; Шинин О. В. Борьба органов ОГПУ с деятельностью иностранных спецслужб на Дальнем Востоке // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. — М.-Великий Новгород, 1999. С. 71–77; Егоров Н. А. Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации «Братство Русской Правды» // Проблемы

Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 136–141; Греков А. Ю. Борьба органов государственной безопасности с бандитизмом на Дальнем Востоке России. Дисс. к. и. н. — Хабаровск, 2011.

[144] Велрев О.В., Лютов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. — Челябинск, 2002; Соловьёв А. В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. — М., 2002; Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002 гг.: страницы истории. — Кемерово, 2002; Марченко С. Г. Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. — Кемерово, 2009.

[145] Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области (1918–2003). — Екатеринбург, 2003; Безопасность Родины — выбор, долг, призвание: из истории органов ВЧК-ФСБ по Кабардино-Балкарии / Сост. А.В. Казаков. — Нальчик, 2003; Служение Отечеству. Воспоминания, статьи, документы 1917–2005 гг.: В 2 кн. Сост. В.В. Онищенко. — Кемерово, 2005; Осипов А.В., Харламов В. А. Органы государственной безопасности в Нижегородской области. Страницы истории: в 2 т. Т. 2. История нижегородских органов безопасности: 1917–2006 гг. — Н. Новгород, 2007 и др.

[146] Громов А.В., Хорошавин В.А., Хумарьян С. Г. Самарский щит: Очерки, посвящённые 90-летию Управления ФСБ по Самарской области. — Самара, 2008. С. 83.

[147] На страже безопасности отечества: воспоминания, статьи, документальные материалы. УФСБ по Владимирской области. Сост. О.В. Шошина. — Владимир, 2007. С. 28-38, 112-114.

[148] РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 822. Л. 47.

[149] Гладков Т. Медведев — супердиверсант Судоплатова. — М., 2005. С. 271; Игнашов А. Чекист // Самарские судьбы. 2009. № 1. С. 32–39.

[150] См. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 2.: 1917–1933 годы. — М., 1996. С. 25–36.

[151] Чиков В. М. Суперагент Сталина: тринадцать жизней разведчика. — Москва, 2006.

[152] Пожаров А. И. «Хрущёвская оттепель» и КГБ // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Том IV. — М., 2006. С. 184.

[153] Пожаров А. И. «Хрущёвская оттепель» и КГБ □ С. 188–189.

[154] Например, в начале 1957 г. была подвергнута критике работа 5-го (Экономического) отдела УКГБ по Новосибирской области за большое количество отказов агентуры. Отметив это досадное обстоятельство, начальник КРО И.И. Семибратченко подчеркнул приверженность коллег старым методам агентурной работы, упомянув «"сказочные» вербовки без личного знакомства с человеком», которые неизбежно заканчивались быстрым выбыванием наскоро завербованного агента из сети. Один из руководящих работников 5-го отдела В.П. Петропавловский

признавал: «Был случай, когда человек на вербовку не пошёл. Второго подготовили, провели несколько встреч, стали вербовать — он на вербовку не пошёл, не объясняя причин. Одного завербовали. Из трёх — одного». Заместитель начальника УКГБ по Новосибирской области П.А. Колесов тогда же сказал, что в 5-м отделе на проработку директивы КГБ СССР с указанием на необходимость «качественной подготовки кандидата на вербовку... реакция нехорошая, некоторые говорят: «Разве сейчас завербуешь?»» ГАНО. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 97. Л. 67, 71, 72.

[155] *Петрушин А.* Проклятье шамана // Родина. 2006. № 3. С. 60; Он же. Чекистские истории. Хлебное место // Тюменский курьер. 2005. № 89–90. 16 июля.

[156] *Хаустов В. Н.* Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde Russe 42/2–3-4 Avril-decembre 2001. Paris, 2002. S. 369–370.

Тепляков А. Эпоха репрессий: Субъекты и объекты // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией Г. А. Бордюгова. — М.: АИРО-XXI, 2013. — 1520 с. С. 1135–1169.

<http://rusk.ru/st.php?idar=68533>